

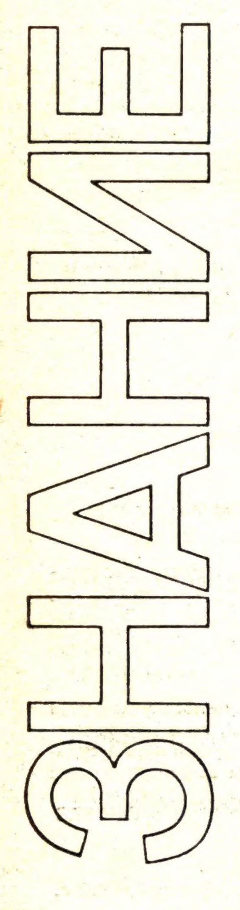
ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

Подписная научно-популярная серия

4 '92

ГОЛУБАЯ ПТИЦА СЧАСТЬЯ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И СУДЬБА

Читайте в этом номере:

ББК 87.3
Г60

Составитель **Кириленко** Галина Георгиевна

Редактор *Л.К.КРАВЦОВА*

Г60 **Голубая Птица Счастья**. Жизненный путь и судьба. – М.: Знание, 1992. – 64 с. – (Сер. «Философия и жизнь»; № 4).

ISBN 5-07-002385-3

Возможно ли осуществление рая на Земле? Или человеку доступна лишь арифметика баланса страданий и удовольствия, лишь некая бухгалтерия Добра и Зла, предопределены ли его жизненный путь и судьба или он сам выбирает их? Обсуждению подобных вечно актуальных проблем посвящена данная брошюра.

0301020000 **ББК 87.3**

ISBN 5-07-002385-3

Уважаемые читатели! В этом выпуске у нас пойдет разговор о вечно волнующих человека проблемах — о счастье и о судьбе.

Член Союза писателей Ю.Г.Чирков рассказывает о различных утопических представлениях о счастье, о том, какие делались попытки претворить некоторые из них в жизнь в различные периоды истории человечества.

В рубрике «В саду размышлений (Диалог времен и народов)» печатаются материалы, отражающие представления о счастье религиозного философа князя Е.Н.Трубецкого и представителя либерально-демократических взглядов В.А.Поссе.

О том, что думают о счастье наши современники, молодые люди, вы можете прочитать в рубрике «Слово молодым». Это мнение философов и представителей точных наук Северного Кавказа, а также Украины и Беларуси.

Здесь же мы поместили и материалы доцента из Московского университета Г.Г.Кириленко на тему «Жизненный путь и судьба».

Первоначально по каждой из двух затронутых в брошюре тем был сдан в производство отдельный номер серии «Философия и жизнь», но из-за того, что количество выпускаемых в этом году брошюр было сокращено, мы вынуждены издать эти темы в одной книжке.

Ю.Г. Чирков,
доктор химических наук

ГОЛУБАЯ ПТИЦА СЧАСТЬЯ

(Из неопубликованной пока рукописи книги «Русский эксперимент. Невольные прогулки в страну Утопия»)

> Счастья нет, счастье всегда улетает, как птица, говорит сказка; и сейчас же та же сказка говорит нам другое: счастье есть, счастье всегда с нами, только не бойтесь его искать. И за этой двойной истиной, неуловимой, как сама Голубая Птица, трепещется поэзия, волнуется на ветру ее праздничный флаг, бьется ее вечно юное сердце.
>
> *Александр Блок*

В лето 1375 года от Рождества Христова для французского короля Карла V (Карла Мудрого — так его величал народ, отличая от Карла III, Простоватого) была составлена карта зем-

ного шара, она и теперь еще хранится в Париже, в Национальной библиотеке, карта, получившая название «каталанская». Это «плоскошарие», изображение Земли на плоскости, было примечательно еще и помещенными здесь же категорического характера пометками, объяснениями относительно каждой представленной на карте страны.

Карл V мог разглядеть — доколумбовы времена! — на карте и очертания легендарных островов Атлантиды, воображаемой страны, которая находилась, как полагали тогда, где-то в бескрайних океанских просторах Атлантики. На карте эти острова назывались Счастливыми.

Примечания к карте поясняли: «Эти острова называются Счастливыми, потому что они богаты нивами, пшеницей, плодами, зерновыми хлебами и деревьями, и население считает их раем благодаря теплому, мягкому климату и плодородной почве. Деревья достигают высоты по крайней мере 140 футоз (42 метра. — *Ю.Ч.*), они приносят много плодов и на них ютится множество птиц...»

Ссылались составители карты и на авторитет древнеримского писателя и ученого, большого знатока географии Плиния Старшего (23 или 24 — 79 гг. н.э.), автора гигантской, в 37 книгах, «Естественной истории», своеобразной энциклопедии естественнонаучных знаний античности. А Плиний свидетельствовал: «Среди Счастливых островов есть один, на котором растут все растения и все плоды земного шара, при этом их не приходится засевать... Жители Индии верят, что их души после смерти переселяются на эти острова. Они уверены, что это — рай...»

Ох уж эти вечные как мир надежды на райские кущи! В наши прозаические дни на Земле остались только убогие клочки, жалкие лоскутки от прежде величественных покровов «белых пятен». Неистоптанные земли затаились разве что среди пока не покоренных альпинистами гималайских вершин или в вечных снегах Антарктиды, в отдельных ее районах, ускользнувших от внимания зимовщиков, хлынувших сюда из неисчислимого множества стран.

И теперь-то уж следует признать, что Карла Мудрого водили за нос, попросту говоря современными словесами, дезинформировали: каталанская карта грешила громадными «неточностями» — Счастливые острова на ней были плодом чистейшей фантазии. Ни Райских мест, ни Обетованных земель, ни Счастливых стран путешественники-исследователи так до сих пор и не обнаружили. И сегодня одни лишь утописты продолжают с маниакальной настойчивостью этот древний поиск, ведут, пересев из карет и из дилижансов в скоростные поезда и сверхзвуковые лайнеры, [illegible]ку за мечтой-призраком, которую они называют уже не

Счастливыми островами, а как-то иначе, например Голубой Птицей Счастья.

«ПРИНЦИП НАДЕЖДЫ»

Интересно, как бы прореагировал Карл Мудрый, если б узнал, что ему вместе с картой подсовывают явную липу, низкопробную фальшивку, если бы смог как-то убедиться, что Счастливые острова лишь бредовый вымысел? Автор этих строк уверен: монарх опечалился бы, страшно огорчился и если б даже и принялся рубить головы своим картографам, то совсем не за обман, а потому что его «лишили» сладкой надежды — побывать в Райской стране, может, и присоединить ее к своей короне, да и просто за то — рубить-то головы! — что его лишили возможности подходить к карте и разглядывать контуры заморской диковины.

Верится, многие утопиологи поддержали бы автора, согласились с ним. Ибо существует мнение, что утопия — это еще и состояние человека, что каждый из нас не только «хомо фабер» (человек делающий) или «хомо люденс» (человек играющий), но и «хомо утопикус» (в смысле: человек надеющийся). А строго определил человека как «животное с инстинктами надежды» немецкий философ-утопиолог **Эрнст Блох** (1885 — 1977).

Фигура эта крайне оригинальная. Блох почитается как творец так называемой философии надежды, философии, где понятие утопии — одно из центральных. Уже первая работа Блоха «Дух утопии» (1918) вызвала большой интерес. Многие авторитетные ученые откликнулись тогда на книгу молодого автора. Они расценили ее как «спасение, которое все мы принимаем с глубокой благодарностью». Имя Блоха в начале века часто ставилось рядом с именем Маркса. Блох почитался как наследник Маркса, вернувший марксизму утопию, открывший в марксизме кроме «холодной струи» еще и «теплую струю», вернувший этому учению «молодое» измерение.

В 1933 г. философ вынужден был, спасаясь от нацизма, эмигрировать из Германии в США. В 1948 — 1961 гг. работал в ГДР, затем перебрался в ФРГ. С 1938 по 1947 г. он упорно трудился над книгой, которая сделала в утопиологии эпоху, книгой «Принцип надежды» («Das Prinzip Hoffnung», вышла в свет в 1954 г.).

(Забавная деталь: разрывавшийся между Европой и Америкой, Блох хотел издать «Принцип надежды» именно в США, давшей ему приют «стране неограниченных возможностей», где поставлено и ставится столько утопиче-

ских экспериментов. Блох ждал, что его труд вызовет в США горячий интерес и отклик. И что же? В конце работы над книгой Блох приходит к твердому убеждению: «Новый Свет» давно стал «могилой утопии».)

В отличие от Маркса, которого называют «отцом практической утопии» (некоторые считают, что Маркс «создал самую мощную в истории утопическую программу» и вместе с тем он выступал с критикой утопичности предшествующих марксизму социалистических воззрений — учения Сен-Симона, Фурье, Оуэна), Э.Блох видел революционность не в объективной действительности (по Марксу — в диалектике производительных сил и производственных отношений), а в самом человеке, в глубинах его духа и разума. Блох по-новому переосмыслил феномен утопии. Он размышлял не над конкретными утопическими проектами, а над лежащим в основе утопии импульсом. По Блоху, утопия — глубочайшая потребность человека оправдать смысл своего бытия, желание мысленно и эмоционально перенестись в «еще-не-существующее». Блох рассматривал утопию как «презумпцию надежды», т.е. как категорию психологическую, даже физиологическую, как состояние предчувствия гармонии, близкое тому, которое обеспечивает восприятие музыкального ассонанса.

КАК КВАДРАТУРУ КРУГА

Согласимся: нелегко жить без надежд. Писатели давно это «доказали», вспомните хотя бы рассказ Луки в пьесе М.Горького «На дне». Очень поучительный там приведен эпизод:

«*Лука*. Был, примерно, такой случай: знал я одного человека, который в праведную землю верил... Должна, говорил, быть на свете праведная земля... Был он — бедный, жил — плохо... и когда приходилось ему так уж трудно, что хоть ложись да помирай, — духа он не терял, а все, бывало, усмехался только да высказывал: «Ничего! потерплю! Еще несколько — пожду... а потом — брошу всю эту жизнь и — уйду в праведную землю...» Одна у него радость была — земля эта... И вот в это место... прислали ссыльного ученого... Человек и говорит ученому: «Покажи ты мне, сделай милость, где лежит праведная земля и как туда дорога?» Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил... глядел-глядел — нет праведной земли! Все верно, все земли показаны, а праведной—нет! Человек — не верит... Должна, говорит, быть... ищи лучше! А то, го-

ворит, книги и планы твои — ни к чему, если праведной земли нет... Ученый — в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нигде нет. Ну, тут и человек рассердился — как так? Жил-жил, терпел-терпел и все верил — есть! а по планам выходит — нету! Грабеж!.. И говорит он ученому: «Ах ты... сволочь этакой! Подлец ты, а не ученый...» Да в ухо ему — раз! Да еще!.. А после того пошел домой — и удавился!..»

Нет, положительно без надежды нам не прожить. Даже в тяжелую пору люди рассуждают так примерно: «Мы-то да, живем неважно... Что ж, зато дети наши, наши внуки... Уж они-то...» Такая простенькая схема и лежит в основании так называемой веры в прогресс.

О конечной победе, об окончательном решении очень интересно рассуждал видный английский ученый **Исайя Берлин**. В 1988 г. по случаю присуждения ему международной премии Джованни Аньелли Берлин прочел лекцию. В ней говорилось: «Некоторые философы девятнадцатого века (Гегель, Маркс) полагали, что вечных истин не существует. Есть лишь историческое развитие, непрерывные перемены, наши горизонты раздвигаются на каждой новой ступени эволюции. История — это многоактная драма, а ее движущие силы — конфликты (в области идей и в реальной жизни), называемые иногда диалектическими. Конфликты эти принимают форму войн, революций, иногда переходят в яростные порывы целых наций, классов, культур. На этом пути неизбежны задержки, неудачи, всевозможные рецидивы, возвраты к варварству, но конец драмы будет счастливым. Человеческий разум уже одержал немало побед и рано или поздно сумеет освободиться от всех пут. Человек перестанет быть жертвой стихий и неразумно организованного общества, и наконец начнется подлинная история. Триумф разума положит начало эре всеобщего гармоничного сотрудничества. Если же этому не суждено случиться, то идея прогресса да и сама идея истории оказываются бессмыслицей».

Неужто мы не движемся от невежества к знанию? От детских фантазий к подлинному постижению действительности? Неужели история — бессмысленная цепь событий, обусловленных материальными факторами и игрой случая? Всего лишь звучная песня, полная страсти, но лишенная смысла? — ставит вопросы И.Берлин и отвечает так: «Нет, этого не может быть. Настанет время, когда люди, став хозяевами своей судьбы, уже не будут жалкими, эгоистичными существами или игрушками таинственных слепых сил. Во всяком случае, мы способны вообразить такой земной рай, а когда мы его вообразим, то сможем хотя бы попробовать воплотить эту мечту в жизнь.

Таково было основное кредо тех, — заканчивает этот пассаж Берлин, — кто раздумывал над этическими проблемами — от древнегреческих философов до средневековых христианских мистиков, от деятелей эпохи Возрождения до прогрессивных мыслителей прошлого века; верят в это и многие из наших современников».

Вера в прогресс несокрушима. Эта надежда — становой хребет жизни, ее идол, такой же, каким для политики стало отыскание идеальных образцов государственности или вечного мира, какими для химии были поиски философского камня, для биологии — отыскание путей к бессмертию, для математики — определение квадратуры круга...

«ПРИОБРЕТУТ ЖЕ ОНИ ВЕСЬ МИР»

Социализм (считается, что слово это впервые употребил приблизительно около 1830 г. английский утопист Роберт Оуэн), или, что то же по сути, **марксизм**, пришел в нужный час. К тому времени в Европе идеал политический успел померкнуть и вынужден был уступить место идеалу социальному. Спасти человечество, как многие верили тогда, могли лишь новые, еще не изведанные формы, новые и бесконечно более справедливые уклады жизни.

Марксизм, этот новый идеал общественной мысли, был привлекателен еще и тем, что, как верилось, он, казалось, опирался на всю великую мощь науки. Да, новое учение (марксизм еще называют «научным социализмом») хотело быть не религией, не верой, а наукой, марксизм тщился влиять не на воображение, а на мысль. И этим необычайно импонировал эпохе, которая так высоко ставила авторитет научного знания. С немецкой аккуратностью, педантизмом марксизм был обряжен в ученые одежды. Утопические предания и пророчества, перешедшие к марксизму от старых социалистических систем, и собственные догматы и верования — все это было подано доказательным, как теоремы геометрии, все было упрятано в привлекательной упаковке строгих теорий, все было тщательно разложено по полочкам и каталогизировано.

Программа марксистов? Она сводилась к двум основным пунктам:

1. Частная собственность — эта причина всех зол и бед (тут марксисты-социалисты следовали заветам Т.Мора) искоренялась, точнее, заменялась на собственность общественную.

2. Идея государственности принималась, но управлять при социализме, что означало по сути осуществлять тща-

тельно продуманную систему распределения земных благ, должны были уже не платоновские философы-мудрецы, а класс-гегемон — пролетариат.

Это основные требования. Что будет после реализации программы? Никто этого толком не знал, но вожди нового учения неколебимо верили в «окончательность» своих решений, не сомневались, что вся жизненная драма человечества, вся жизнь мира найдет свой эпилог в конечной победе пролетариата. Надеялись, что клич «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» явится не только заповедью общечеловеческой морали, но и самым последним разрешением мировой проблемы зла и страдания.

Марксизм представлялся последним разрешительным словом, приближающим человечество к конечному беспечальному существованию. А всемогущим средством здесь должна была стать власть пролетариата над орудиями производства. Это решающее всемирно-историческое свершение и должно было сделать людей «господами природы и господами самих себя» (Ф.Энгельс).

Оптимизм творцов новейшего течения социализма не знал предела. Марксисты говорили, что с того момента, как будет одержана победа, и начнется подлинная история, что все вновь возникающие проблемы будут в самих себе нести свои решения, реализуемые общими усилиями членов гармоничного и бесклассового общества, что все будет О'кей! на большой! что всеобщее счастье с утверждением социалистических идеалов станет окончательным и бесповоротным.

Правда, замечали идеологи социализма, в переходный период кое-кому, отдельным классам, несомненно, придется пострадать. Поворот от темного к светлому не может быть безболезненным. Верно, силу придется применять. И в «Коммунистическом Манифесте» об этом прискорбном обстоятельстве объявлялось прямо и откровенно. «Манифест» заканчивался словами: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир».

«КАПИТАЛ» МАРКСА — «БИБЛИЯ РАБОЧИХ»

Были ли у марксизма оппоненты, критики? Да сколько угодно! И они на разные голоса прежде всего отмечали заманчивость для людей социалистических грез, их привлекательность.

Писали: «Для трудящихся и обремененных, для бедных тружеников земли нужны впереди светлые перспективы, и эти перспективы даны в образе ожидаемого совершенства жизни. Усталые путники на жизненном пути, люди ищут отдохнуть и забыться в сладких мечтах о счастье, пережить хотя бы в воображении это блаженное состояние, где нет более ни борьбы, ни тревог, ни тяжкого изнурительного труда».

Вот она, магия надежд! Они, надежды, хотя верования, которым учит социализм, и очень фантастичны, отмечали критики в один голос, действительно способны творить чудеса: «Человек обладает чудесной способностью преобразовывать вещи по воле своих желаний, познавать вещи только сквозь ту магическую призму мыслей и чувств, которая представляет мир таким, каким мы желаем его видеть. Каждый, сообразно своим мечтаниям, своему честолюбию, своим желаниям, видит в социализме то, чего основатели новой веры никогда не думали в него вкладывать. Священник открывает в нем всеобщее распространение милосердия и мечтает о нем, забывая алтарь. Бедняк, изнемогая от тяжкого труда, смутно усматривает в нем лучезарный рай, где он будет наделен земными благами. Легионы недовольных (а кто теперь к ним не принадлежит?) надеются, что торжество социализма будет улучшением их судьбы. Совокупность всех этих мечтаний, всех этих недовольств, всех этих надежд придает новой вере неоспоримую силу».

Социализм — новая религия? Эта мысль приходила на ум многим. Эту же идею в статье «Иллюзии социализма», ее перевод с английского был опубликован в России журналом «Русская мысль» (12-й номер) в 1909 г., подробнейше развивал **Бернард Шоу**. А начал он свою статью так: «Пожалуйста, не думайте, что собираюсь писать об иллюзиях социализма с целью кого-нибудь спасти от них. Отнимите у людей иллюзии — и вы отняли бы у них главную пружину их деятельности. Не думайте также, что преследовать иллюзии — значит гнаться за призраком. Напротив, нет иллюзии, за которой бы не стояла какая-нибудь реальность, как нет тени без предмета, ею отбрасываемого...»

Далее великий англичанин писал о социализме как о драме, которая не может не заинтересовать широкую публику. Опытный драматург знал, о чем пишет. Знал, как должно зацепить, озадачить, расшевелить, раскочегарить наконец почтенную публику! И партер, и галерку, и даже группу затаившихся за кулисами актеров и театральной обслуги! Тут Шоу был мастером и знал, о чем говорит. И вот что он пишет в статье об этом: «Ясно, что социализм должен подчиняться тому же закону, которому подчиняется и всякая другая наука, ищущая поддержки в народе. Чтобы

сделать его доступным народу, необходимо его раньше драматизировать, а затем изложить в виде теории. Необходимо его опутать в иллюзии, полные обещаний, и снабдить простой умственной ручкой, за которую мог бы ухватиться человек обыкновенных способностей. Не стану излагать всех этих иллюзий, всей этой столярной работы...»

Ну а основная мысль статьи Шоу была такова: он отмечал, что драматические иллюзии социализма фактически тождественны иллюзиям религии. Вот его слова: «Эта иллюзия представляет социализм, исполняющийся в великий день гнева, именующийся «революцией». В этот день капитализм, коммерциализм, конкуренция и всякие грехи биржы предстанут на суд и будут извержены, и земля освободится от них для принятия царства божия, как о том повествуется в непогрешимой книге великого вождя и пророка. В этой иллюзии капиталист уже не злодей, а сам сатана. Социализм не счастливое окончание драмы, а царство божие, и «Капитал» Карла Маркса — «библия рабочих классов»...»

СОМНЕНИЯ БЫВШЕГО КАДЕТА

Шоу был драматургом, любителем парадоксов и шуток, его политические высказывания можно было бы и не принимать всерьез. Но игнорировать мнение о социализме людей вполне компетентных вряд ли стоило. Одним из них числился известный русский юрист и философ, профессор Московского университета **Павел Иванович Новгородцев** (1896 — 1924). Разбору социалистических воззрений этот человек, бывший член партии кадетов (конституционно-демократическая партия в лице своих лучших представителей — Н.А.Бердяев, В.И.Вернадский и другие — ориентировалась на общечеловеческие ценности), бывший депутат 1-й Государственной думы, посвятил толстенный труд. (На каждой странице тут мелькала буква «ять» и малороссийская «і», встречались слова с ушедшими после орфографической реформы окончаниями: «непогрешимаго» и т.д.) Называлась работа несколько туманно — «Об общественном идеале», и появилась она (издана в Москве в 1917 г.) как раз накануне Октября. (Вскоре после выхода книги Новгородцев эмигрировал, оказался в Праге, где и окончил дни свои.)

Новгородцев решительно объявлял совершенно утопическим (и пытался это строго обосновать) не только социализм, но и вообще любую идею разрешения социальных и моральных противоречий жизни в какой-то конечный исторический срок. Где-то в бесконечности? Это пожалуйста! Там, возможно, «параллельные прямые» любви, равенст-

ва, всепрощения и им подобные родственные понятия действительно сольются. Но распространять законы этой «неевклидовой социальной геометрии» к нашим невеселым дням было, полагал профессор-юрист, уж никак нельзя. Поступать так значило бы жить не на грешной Земле, а в особых утопических измерениях.

Впрочем, вряд ли стоит своими неучеными словесами перелагать Новгородцева. Лучше предоставить ему возможность высказаться самому. «Утопии, — писал бывший кадет, — находящие себе широкое распространение, привлекающие сотни и тысячи сторонников, живущие в сознании человеческом на протяжении многих веков, не могут не иметь некоторой внутренней правды, и эта правда заключается в их связи с безусловными началами общественного идеала — с началами равенства, свободы, солидарности. Каждый раз, когда эти великие начала воспроизводятся в сознании общественном, они заставляют сильнее биться и пламенеть человеческие сердца. И когда при этом (здесь Новгородцев уже явно метит в марксизм. — *Ю.Ч.*) они облекаются в заманчивые формы учений о близком береге человеческих странствий, не только отдельные сердца пламенеют, но и массы зажигаются огнем энтузиазма...»

Если бы Новгородцев читал лекцию студентам, он тут сделал бы изрядную паузу, вероятно, даже поднял бы палец или бы потянул за лацканы пиджак костюма (начал бы разбирать, если бы была, свою густую бороду?) и только затем, убедившись во внимании аудитории, продолжил: «...но это возбуждение чрезмерных надежд, основанное на неверном представлении о ходе истории и требованиях нравственного сознания, и составляет причину крушения утопий. Гордо заявляют они о своем всемогуществе, о своей всеисцеляющей силе, о своем близком торжестве; но сложное и многообразное движение жизни неизменно опровергает этот оптимизм, и утопическая мысль должна смириться, должна совлечь с себя печать последнего и непогрешимого откровения истины и стать в ряд с другими историческими силами и началами...»

Если излагать Новгородцева в немногих словах, самую суть его пространных подчас высказываний, то она сводилась к следующему. Во-первых, он доказывал, что марксизм представляет собою самую типическую очередную утопию земного рая; во-вторых, показывал, что и эта идея земного рая совершенно нежизнеспособна.

Новгородцев писал об этом так: «Нет такого средства в политике, которое раз и навсегда обеспечило бы людям неизменное совершенство жизни». И далее, сам подчерки-

вая особую важность своих выводов курсивом, давал такие невеселые рекомендации:

1) Надо отказаться от мысли найти такое разрешительное слово, которое откроет абсолютную форму жизни и укажет средства осуществления земного рая.

2) Надо отказаться от надежды в близком или отдаленном будущем достигнуть такой блаженной поры, которая могла бы явиться счастливым эпилогом пережитой ранее драмы, последней стадией и заключительным периодом истории».

В ИТАЛИИ! НЕТ, В РОССИИ!

> Рабство, нищета и цезаризм — вот неизбежные пропасти, куда ведут все социалистические пути. И все-таки, кажется, этого ужасного режима не миновать. Нужно, чтобы хотя одна страна испытала его на себе в назидание всему миру. Это будет одна из тех экспериментальных школ, которые в настоящее время одни только могут отрезвить народы, зараженные болезненным бредом о счастье, по милости лживых внушений жрецов новой веры.
>
> *Г. Лебон*

Подумать только! Сколько светлых умов предугадывало пагубу социалистического пути, его тупиковость, бесперспективность. И не только пассивно видело, но и активно предупреждало об этом! И — уж это прямая мистика! — даже искало среди стран кандидатов для неизбежного социалистического эксперимента.

В 1908 г. в России появляется еще одна замечательная книга — «Психология социализма». Ее автором был французский исследователь **Густав Лебон** (1841 — 1931). Представляя его, издатели русского перевода так уведомляли читателя: «Книга Г.Лебона — психология социализма в настоящее время может принести большую пользу в борьбе с социализмом и революционизмом. Она выдержала во Франции пять изданий, переведена на несколько европейских языков и, нужно думать, успела оберечь многие умы от гибельных социалистических и политических увлечений».

Об авторе сообщалось: это известный ученый, с очень широким кругом интересов — знаток физикохимии, физиологии, антропологии, истории, социологии и философии; энциклопедичность его творчества просто поразительна; на его счету есть и другие, не менее значимые сочинения: «Психология воспитания», «Психология толпы» и другие работы.

И сам Лебон любезно согласился тогда написать предисловие к русскому изданию и среди прочего сообщал: «Я пытался изучать вопросы, относящиеся к социализму, как если бы я изучал какие-либо физические явления».

Красной нитью через всю книгу Лебона проходила мысль: социализм — это болезнь, которою человечество должно, как корью или свинкою, обязательно переболеть. «В ожидании часа своего торжества, который лишь очень немногим опередит час его падения, — писал Лебон, — социализму суждено все расти, и никакой аргумент, подсказанный рассудком, не сможет побороть его».

Желание счастья (социалистического на сей раз!), этого вечно действующего PERPETUUM MOBILE человеческой жизни, неодолимо, и Лебон, как и Шоу, обращал внимание на религиозную «подкладку» социалистической, марксистской, доктрины. Писал: «Во всяком случае социализм, как верование, стоит неизмеримо ниже других религий. Религии обещали после смерти блаженство, призрачность которого не поддавалась точному доказательству. Религия социалистов, вместо небесного блаженства, призрачность которого никто не может проверить, обещает нам блаженство земное, в неосуществимости которого каждый может легко удостовериться. Опыт скоро покажет приверженцам социалистических иллюзий всю тщетность их мечты, и тогда они с яростью разобьют идола, которого почитали, прежде чем познать. К несчастию, такой опыт может быть сделан лишь при условии предварительного разрушения общества».

А далее Лебон высказывает еще более интересные соображения. Теперь-то — в наши дни — их можно оценить в должной мере. Лебон сетует: «Так как социализм должен быть где-нибудь испытан, ибо только такой опыт исцелит народы от их химер, то все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы этот опыт был произведен скорее за пределами *нашего отечества* (выделено мной. — *Ю.Ч.*), чем у нас (то есть во Франции. — *Ю.Ч.*)».

И затем Лебон начинает подробнейше разбирать, какая же из стран заразится социализмом первой. Он перебирает шансы социализма в Германии, Англии, Америке, во Франции. И объявляет для них решительное нет. Конечный же вывод его раздумий таков: «Пожелаем, чтобы это испытание (заболевание социализмом. — *Ю.Ч.*) прежде всего выпало на долю наших врагов. Если это произойдет в Европе, то все заставляет предполагать, что жертвою его будет бедная, наполовину разоренная страна, как, например, Италия...»

Италия? Здесь Лебон (вряд ли он что-то слыхал о Ленине, его взглядах и его решимости довести марксизм до победной точки) ошибся. Социалистический великий экспери-

мент был произведен в России, стране, которую Лебон (впрочем, до Октября среди марксистов мало кто верил, что Маркова пьеса будет впервые поставлена именно на российской сцене) отчего-то вовсе исключил из своего анализа.

БРИТАНИЗМ НА БЕЛОРУССКОЙ ПОЧВЕ

Лебон не верил, что социалистам удастся путем насильственного переворота добиться своих благих и прекрасных целей. Предисловие к русскому изданию своей книги (как пророчески звучат ныне эти слова!) Лебон заканчивает энергичным пассажем: «Можно желать переделать общество сообразно своим мечтам, но такие мечты никогда не осуществлялись. Тщетно мятется человек. Им управляют такие высшие силы, как закон неизбежности, среда, влияние прошлого, которые древними объединялись под именем судьбы. Судьбу эту можно проклинать, избежать ее невозможно».

В связи с высказываниями Лебона и явно в подтверждение его мнений можно вспомнить один комического характера эпизод из фантастической жизни фаворита Екатерины князя Григория Александровича Потемкина (1739 — 1791). Этот носитель многих пышных титулов — генерал-адъютант-подполковник Преображенского полка (полковником числилась сама Екатерина II), член Совета императрицы (Государственного совета), генерал-аншеф, вице-президент Военной коллегии, граф, «светлейший князь Римской империи», генерал-губернатор новороссийский, азовский и астраханский, «князь Таврический», был богатейшим вельможей России. Беззастенчивые спекуляции, взятки и прямое казнокрадство составили Потемкину колоссальные состояния.

И вот этот выходец из мелкопоместных дворян на вершине своего могущества (вот уж кто не мог пожаловаться на недостаток счастья!) решает осуществить утопический эксперимент. Он захотел волевым усилием, дело было начато где-то в начале 1770-х гг. (Потемкину немногим более 30), в кратчайший срок насадить в Белоруссии, в своих необъятных поместьях, главным образом в городке Кричев (Мстиславский уезд, Могилевская область), росток западноевропейской цивилизации, создать образцовый, промышленный и торговый центр. Светлейший возжелал, выражаясь его же словами, «пересадить британскую культуру en masse в Белоруссии», точно насаждение чужой многовековой культуры дается легко, по капризу великого сановника.

Для организации дела Потемкин выписывает из Англии инженера, изобретателя и прожектера Самуила Бентама. Тот должен был выступить как строитель кораблей, канатный мастер, парусных дел мастер, винокур, пивовар, соло-

довник, кожевенник, мастер стеклянного производства, горшечник, прядильщик пеньки, кузнец и медник. (Самуил, собираясь в Россию, резко изменил свой образ жизни: спал на полу, полагая, что в этой неведомой северной стране, России, понятия не имеют не только о комфорте, но и кроватях. Привез он с собой, согласно английским обычаям, и тьму рекомендаций — аж 86 штук!)

Чтобы создать в Кричеве промышленный и торговый центр, Потемкин наприглашал из-за рубежа, из многих стран, множество и других мастеров и специалистов. Командовать ими должен был Самуил Бентам, для чего последний был снабжен полномочиями, придававшими его власти отчасти военный характер. Увы, анархия и беспорядки в «культурном центре» не прекращались. Люди разных национальностей, культуры и ремесел плохо уживались друг с другом и с местным населением. Пришельцы, разговаривающие на разных языках, плохо понимали друг друга, к тому же и закрепощенный сельский люд туго и неохотно исполнял «египетские» приказания своих иноземных начальников.

Эта благая затея в деньгах очень дорого обошлась великолепному «князю Тавриды», но все тем не менее пошло прахом. Местечко Кричев со всею округой так и осталось незатронутым британской цивилизацией, довольствуясь продуктами своей, доморощенной. Революционный эксперимент был прекращен с началом русско-турецкой войны (1787 — 1791 годы)...

Затеянный Потемкиным социальный эксперимент — лишь один из многих примеров, убеждающих в справедливости слов, сказанных Лебоном. А он писал: «Когда хотят понять учреждения данного народа, нужно изучить сперва умственный склад этого народа. Тогда и только тогда поймешь, что учреждения, наилучшие для одного народа, могут оказаться гибельными для другого».

«ПИСАННЫЕ НА СОБАЧЬЕМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ»

Самуил Бентам (он дослужился у Потемкина до генеральского чина) был выбран в надсмотрщики не случайно. У него имелся всеевропейски знаменитый брат — **Иеремия Бентам**, философ, состоящий в деятельной переписке с очень многими сильными мира того времени (писал послания русскому императору Александру I, королям Баварии, Бельгии, Нидерландов, президенту США Мадиссону, правителю Египта Магомету Али...), человек, считавший себя спецом по счастью и всеми силами старавшийся распространять этот странный продукт по всему свету.

Бентам (1748 — 1832), английский социолог, юрист, родился в семье адвоката. Способности хилого, малорослого Иеремии были поразительны для его возраста. Четырех лет от роду он уже, на коленях отца, под его руководством принялся за греческий язык, затем столь же успешно стал совершенствоваться и в латыни. Восьми лет от роду он уже сочинял латинские оды. В 13 лет был принят в Оксфордский университет. Учившиеся с ним студенты полагали, что Иеремия карлик, ибо его сверстники-однолетки в то время еще зубрили в школах синтаксис и корпели над решением уравнений с одним неизвестным. В 16 лет Иеремия получает первую ученую степень бакалавра, а со степенью магистр 20-летний юноша окончил университетский курс. Отец Иеремии, адвокат, понятно, желал, чтобы сын пошел по его стопам, однако адвокатская практика Бентама длилась недолго: он видел царивший в этой профессии обман, не желал в нем участвовать. Когда ему предлагали выгодные юридические процессы, он совершенно бескорыстно, не заботясь о гонорарах, обычно старался склонить тяжущиеся стороны к мировой, убеждая своих клиентов, что так им легче всего будет сохранить и время и деньги. Бентам быстро оставляет адвокатскую практику и решает всецело посвятить себя науке, главным образом философии. В деле этом он не щадит себя («если бы я мог разрастись, как полип, и превратиться в шесть человек, то я для всех них нашел бы работу», — часто говаривал он). Свои действия и занятия Иеремия умел расположить в таком образцовом порядке, чтобы совершать наибольшее количество работы при наименьшей потере здоровья. И действительно, он действовал, как свидетельствовали его друзья, подобно машине, вырабатывающей максимум умственной продукции. По своей мечтательности и чистосердечию Бентам, рассказывают, был правоверным утопистом: он наивно полагал, что истину надо только высказать, и она тотчас же сделается правилом, законом. Иеремия был убежден, что он знает секрет счастья человека, открыл его, и потому-то столь упорно пытался внедрить это свое знание в Англии и на почве иных земель. Бентам очень интересовался Россией, принимал деятельнейшее участие в реформаторском движении, охватившем лучшую часть русского общества в начале царствования Александра I. Иеремия вступает в активную переписку с Мордвиновым, Сперанским и другими деятелями-реформаторами. Побывал Бентам по приглашению Потемкина и в России. Еще до приезда философ оставил интересный отзыв о Потемкине. В 1785 г. он жалуется в письме одному из своих друзей: «Я все еще жду писем из Петербурга. По грехам

моим, имею дело с ленивейшим человеком самого ленивейшего народа на земле Всемогущего Бога. Я ему пишу одно письмо за другим (Бентам собирал для Потемкина — кричевский эксперимент! — сведения о желательных улучшениях в области земледелия, садоводства, мануфактуры и торговли. — *Ю.Ч.*), по его же личным делам. Он этим, как говорят, очень доволен. Вы полагаете, что он отвечает? Ничуть не бывало. Приказывает переводить по- русски мои письма, писанные на собачьем французском языке... Для какой цели — неизвестно, во всяком случае не для себя, потому что он прекрасно владеет обоими языками...»

ЖЕЛАЯ БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ СВОИМ СОГРАЖДАНАМ И ПОСЛЕ СМЕРТИ

В 1786 г. в январе Бентам прибыл в Россию, объявился в Кременчуге. В тот же вечер он был приглашен местным губернатором к обеду. На столе, вспоминал Бентам, была серебряная посуда, но ножи и вилки были железные, очень грязные и ни разу не менявшиеся во время трапезы. Скромный философ был поражен смесью роскоши и неряшливости (блестящие люстры русского стекла из восьми или десяти цветных свечей и рядом — плохонькие медные подсвечники), обилием яств и питий (сладкое красное донское, крепкое кипрское, мускатин, был даже бертоновский эль), поведением джентльменов, щеголявших в длинных сапогах, хотя за столом присутствовало много дам. Вечер был потрачен на карточную игру. «Джентльмены, — не переставал изумляться Бентам, — получавшие жалованья не более 600 рублей в год, проигрывали в карты по 800 рублей за один присест!» Бентам поселился в сельце Задора, близ Кричева, центрального пункта потемкинских владений, где усердно занялся научной работой. Жизнь его текла скромно и уединенно: единственными его развлечениями были музыка, чтение, переписка с друзьями, оставленными в Англии, разведение цветов (философ явно предпочитал ботанику перед минералогией, так как, объяснял он, минералог лишен возможности разводить камни и не может в отличие от ботаника делиться своими запасами). Бентам вывез из России на родину огромную коллекцию семян, которую впоследствии раздарил всем интересующимся цветоводством. До какой степени Бентам сосредоточился в своих научных штудиях, можно судить хотя бы по тому факту, что он и не подумал отправиться в Кричев во время проезда императрицы, совершавшей в ту пору свою поездку по Малороссии, поездку, которую ее временщик Потемкин обставил с невероятной роскошью и обилием

поразительных декораций (фальшивые «потемкинские деревни»), инсценируя «успехи» подчиненного ему края. (За что и был награжден новым титулом — «князя Тавриды».) В России Бентам пишет один из своих главных трудов «Defence of usury» («Защиту лихвы»), в котором разбирал принципиальный вопрос: необходимо ли вмешательство государства в частные договорные отношения граждан между собой. В России же Бентам начал и другой свой важный труд — «Panopticon, or the inspection house» (полное название в русском переводе: «Паноптикон, или Назидательные дома: идея о новых принципах строительства, применяемая ко всем видам заведений, в которых содержатся под надзором лица, повинные в преступлениях»). Другими словами, Бентам разработал проект «идеальной тюрьмы». Она должна была радикально отличаться от тюрем, существовавших во времена Бентама: многоэтажный круглый колодец с камерами, обращенными своими решетками во внутренний двор, в центре которого, по оси, располагалась наблюдательная башня с несколькими дежурными часовыми. Ни один из узников не должен был знать, наблюдают ли за ним в данный момент, но должен понимать, что возможность этого не исключена, и быть вынужденным вести себя соответственно. (Этот проект слежки в художественной литературе будет позднее впервые использован английским антиутопистом Дж.Оруэллом в его романе «1984 год».) Сам же Бентам считал такой принцип строительства полезным не только для тюрем, но и для сумасшедших домов, домов презрения, больниц, фабрик и школ. К старости Бентам в Англии стал еще известен и как автор многих остроумных афоризмов, вот некоторые из них: «Эмблемою людей, которые все хвалят старое время, могла бы быть фигура человека, у которого глаза на затылке»; «Одна из самых больших ошибок в свете та, что смешивают выгоду случайную с выгодой постоянною. Так, иной раз пылинка перед глазом мешает видеть целый остров»; «Цена денег равняется их количеству, умноженному на удовольствие, которое можно на них купить»... Философ выгоды и общественной пользы, Бентам и собственною смертью постарался распорядиться сообразно своим взглядам. Предсмертная воля 84-летнего старца была необычна: он потребовал, чтобы тело его было перенесено в анатомический театр, желая быть полезным своим «согражданам и после смерти». Эта воля была исполнена: труп был передан доктору Соутвуду, чтобы он его анатомировал и чтобы над ним читались лекции студентам-медикам и публике. Не в Вестминстерском аббатстве, этой усыпальнице великих британцев, покоятся бренные останки одного из благород-

нейших сынов Англии. Препарированный скелет Бентама хранится в анатомическом театре Лондонского университета.

АРИФМЕТИКА «БАЛАНСА СТРАДАНИЙ И УДОВОЛЬСТВИЯ»

> Разница между удовольствием и счастьем та, что счастия разделить нельзя, а удовольствие можно. Удовольствие — результат простой, а счастье — сложный, как здоровье. Можно ли просить или дать часть здоровья? Кусочек счастья?
>
> *Иеремия Бентам*

Во времена А.С.Пушкина (поэт пережил И.Бентама лет на 5 всего) имя английского философа в русском обществе было у всех на устах. В поэме «Евгений Онегин» — этой, по выражению В.Г.Белинского, энциклопедии русской жизни той поры — есть такие строки:

Хоть, может быть, иная дама
Толкует Сея и Бентама...

Имя Жана Батиста Сея (1767 — 1832), модного тогда французского экономиста, думается, все же звучало в русских гостиных значительно реже, чем имя Бентама, ибо англичанин был истолкователем самого важного в нашей жизни — он рассуждал о счастье!

Закоренелый холостяк, доживший до глубокой старости чуть ли не отшельником (болезненно застенчивый, он не мог без трепета выносить незнакомое общество), не испытавший тепла домашнего очага, Бентам в то же время был неисправимым борцом. Принадлежал к тому типу англичан, которым борьба необходима как воздух. Вождь английских радикалов, умело проводивший в общество свои взгляды посредством основанного им в 1823 г. журнала «Westminster Review», Бентам, воевавший со всеми, начиная с родительской власти, учительского авторитета и кончая королем Георгом III, до последних дней сохранил идеальную преданность делам всего человечества и предлагал свои услуги всем народам, всем правительствам: европейским и американским, республиканским и самодержавным.

Философ никогда не занимался литературной отделкой своих творений, он раздавал писания, набросанные небрежно на отдельных листках, ученикам и друзьям, которые и перерабатывали этот сырой материал для печати. И то, что по кусочкам было тут собрано, сделало в итоге Бентама главой новой философской школы, известной под именем «утилитаризма» (от латинского utilitas — польза, выгода).

В основе учения Бентама лежит «принцип пользы», согласно которому действия людей, их отношения должны получать моральную оценку по приносимой ими пользе. Философ развил выдвинутую в XVII — XVIII вв. буржуазией, боровшейся против феодальной богословской морали, теорию «разумного эгоизма». У Бентама идея разумного гармонического сочетания личных и общественных интересов превратилась в принцип «наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов» («максимация счастья»), в призыв к достижению личного преуспевания, что должно было, по мысли Бентама, автоматически, механически увеличивать общую сумму счастья.

При оценке действий людей надо, требовал Бентам, исходить из моральной арифметики «баланса страданий и удовольствия». Под этими словами философ понимал совершенную безопасность собственника, охраняемого буржуазным государством. Таким образом, Бентам отстаивал, и в этом заключалась сущность утилитаризма, идею свободной торговли и предпринимательства и ничем не стесненной конкуренции, что, по его мнению, должно было обеспечить спокойствие общества, справедливость и равенство...

***

> Счастье никогда не было моей целью. Подобно Эйнштейну, я несчастлив и не хочу быть счастливым.
>
> *Бернард Шоу*

Счастье, прощай?.. Ариведерчи? Ауфвидерзейн? Довидзення?.. Ты, счастье, оказалось всего лишь приятным сном сюрреалистов? Священным бредом безумцев?..

Грустная история!.. Ты, счастье, вполне подобно своей, не менее странной спутнице — Утопии. Да, похоже, эти две мистического склада неразлучные подружки — Утопия и Счастье — кружат и кружат над планетой, всячески стремясь привлечь к себе внимание землян. Действуя как бы гипнотически, телепатически, они срывают с мест огромные людские толпы, баламутят головы, сбивают человека с прежде проторенных, надежных путей, гонят его в неведомые дали. Обрядившись в заманчивые сказочные одежды, Утопия и Голубая Птица Счастья парят над материками и океанами, выделывают в воздухе всевозможные фортеля, выписывают замысловатые пируэты, энергично машут крыльями, громко клекочут, лопочут что-то на непонятном, незнакомом людям языке, вглядываются в зем-

ную твердь, ищут место для приземления, для благополучной посадки, но отчего-то на землю так и не садятся!

в Саду Размышлений

(Диалог времен и народов)

Харитонов. VIII смесь. Врачевания, забавы и поверья крестьян Архангельской губернии, уездов: Шенкурскаго и Архангельскаго. Архангельск. 7 февраля 1848 г. (С.4).

Прежде нежели начнет мужик пристройке дома класть основные бревна, он закапывает в землю, против того места, где будет куть, большой угол, несколько денег и ячменных зерен, вероятно, для того, чтобы в новопостроенном доме не переводились деньги и хлеб; затем приносит петуха: если он пропоет на новоселье — счастье, в противном случае — горе. Нужно прибавить, что здесь не имеют обыкновения по каким-то предубеждениям начинать постройку избы в ущербе месяца.

Крестьяне Шенкурского уезда рассказывают, что человек, съев сырое сердце коровы, получает способность видеть клады и вообще сокровища, скрытые на земле.

Если под полом крестьянской избы находится осье гнездо, то это мужик считает для дома добрым предзнаменованием, начатком счастья, и если все в доме будут пережалены осами, они ни за что не захотят истребить гнездо ос, боясь накликать этим несчастье.

Кн.Евгений Трубецкой. Философия Ницше. Критический очеркъ. Москва. Типолитография Т-ва И.Н.Кушнарев и К°. Пименовская ул., соб. д. 104 (С.26 — 27).

Отдельные минуты счастья не уничтожают той глубокой скорби, которая составляет самую основу нашего существования. Отсюда своеобразное отношение избранных личностей к счастью. «Люди глубокой яркости выдают себя в счастье. Они относятся к нему так, как будто хотели бы его задавить и задушить — из ревности: они слишком хорошо знают, что оно вскоре им изменит». (Ницше. — *Прим. ред.*)

В непостоянстве счастья выражается общая печаль всего того, что во времени: все в мире — процесс, все в нем течет, ничто не пребывает. Наше несчастье коренится в несоответствии нашей воли с условиями нашего существования. Наша жизнь достигает высшего своего выражения в

нашем стремлении запечатлеть характер постоянства во всеобщем течении вещей, сохранить бытие в потоке явлений. Но мы бессильны остановить время, и в этом — источник наших страданий. «Я дал имя моему страданию, — говорит Ницше, — и называю его собакою: оно так же верно, так же неотвязчиво, бесстыдно, умно и так же развлекает, как и всякая другая собака. Я могу господствовать над ним и изливать на него мою досаду: это то самое, что другие проделывают над собаками, слугами и женщинами». При невозможности достигнуть счастья в жизни ее высшим правилом должен быть героизм личности, идущей наперекор высшему своему страданию и высшей своей надежде. При этом печать истинного величия заключается не в той способности переносить страдания, которая доведена до совершенства даже у женщин и рабов, а в том, чтобы не поглощаться им, не уничтожаться в нем. Этот подвиг в особенности труден для тех немногих, которые отдают себе отчет в том, что они переживают, а потому обладают утонченною чувствительностью ко всяким уколам жизни.

В.А.Поссе. Счастье // В.А.Поссе. На темы жизни. С.-Петербургъ, Невский пр., 40. Издательство «Вестника знания». 1909 (С.81 — 82).

В наше несчастное время особенный интерес приобретает вопрос о счастье. Каждый хочет быть счастливым, но лишь немногие имеют ясное представление о том, что такое счастье.

Я попрошу читателя остановиться и ответить себе на этот вопрос. Сначала подымется целый рой мыслей, подымутся воспоминания о пережитых лишениях и невзгодах. Затем здоровье и материальная обеспеченность или попросту деньги станут настойчиво выдвигаться вперед, требуя, чтобы их назвали счастьем.

Один семилетний мальчуган сказал мне: «Счастье быть здоровым, сильным, богатым и прыгать так высоко и далеко, как только захочешь».

Другими словами, но в сущности то же самое скажет и большинство взрослых. Здоровье, богатство, сила, свобода!

Здоровье и «богатство» уже включают в себя и силу, и свободу.

Но правильно ли богатство и свободу называть счастьем?

Я думаю, что нет. Они лишь условие счастья.

К осуществлению этого условия стремится человечество.

Обеспечить каждому возможность быть здоровым и обеспеченным — такова первая задача прогресса. Здоровье и обеспеченность дают свободу выбирать деятельность по своему усмотрению, и эта свобода опять-таки условие счастья, а не само счастье. Счастье не в свободе

деятельности, а в самой деятельности, счастье в свободном и разумном труде. Счастье в труде, воздействующем на жизнь в направлении, желательном трудящемуся.

Счастье в труде, создающем условия счастья для всех и каждого. Счастье в труде, раскрывающем законы природы, разъясняющем соотношение между человеком и всем остальным мирозданием.

Счастлив деятель, живущий любовью к людям и своему идеалу. Он счастлив даже в ту минуту, когда умирает во имя своей любви.

Счастлив ученый, проникающий в бесконечность звездных миров или в тайну развития живых существ.

Но счастлив и самый скромный труженик, сознающий, что он служит жизни, движению, а не смерти, застою.

Но наряду со счастьем идеалиста, счастьем ученого, со счастьем всякого свободного труженика не забудем счастья семьянина.

Счастье в чувстве удовлетворенности, связанном с сознанием силы и повышения своей личности.

Такое чувство и такое сознание дает не только труд, но и любовь, и прежде всего любовь к жене, мужу, к детям.

Полным счастьем обладал бы тот, кто находил бы удовлетворение в семейной любви и в служении науке и идеалу.

Но в настоящее время семья, наука и служение общественному идеалу, эти три элемента счастья враждуют между собой.

Они примирятся, когда будет выполнена первая задача прогресса — здоровье и свобода для всех и каждого.

Я подчеркиваю: для всех и каждого. В настоящее время счастье, в особенности семейное счастье, одних строится на несчастье других.

Да и вообще, когда думаешь о счастье, невольно отвлекаешься от настоящего и переносишься в будущее.

Так много говорили и писали об афоризме андреевской «Тьмы»: «Как ты смеешь быть хорошим, когда я плохая».

Мне чужд смысл этого афоризма. Но мне близка простая мысль: «Как вы смеете быть счастливыми, когда мы так несчастны?»

Как можно быть счастливым, когда ежедневно совершаются казни, когда тюрьмы переполнены, когда зловеще увеличивается число самоубийств?

О Господи, неужели для светлого счастья в будущем нужно так много мрачного несчастья в настоящем?!

Слово молодым

Как я представляю счастье

В конце октября прошлого (1991) года в г.Алуште в рамках V Республиканской школы молодых философов Украины состоялся «круглый стол» на тему «Как я представляю счастье».

Предлагаем вам краткий пересказ этой беседы.

А.В.Байкальцев, преподаватель медучилища, г.Евпатория. Как это ни парадоксально, но популярно о счастье говорить невыносимо: счастье заведомо непопулярно, т.е. люди именуют счастьем покой, вольность, блаженство, умиротворенность, что угодно, но не само счастье...

Высшей, светлой и нежно-милосердной справедливостью явилось лично для меня то, что лучшее из всего написанного о счастье было написано русской женщиной. И это тоже счастье: в 5-м томе «Философской энциклопедии» есть статья «Счастье», и я ценю ее даже выше, чем книгу Тартакевича «О счастье и совершенстве человека». Прекрасен и подбор цитат в этой статье Татьяны Марининой: Достоевский — что подлинно счастливый человек никакого иного применения себе не видит, кроме как всех сделать столь же самоправными и свободными и счастливыми личностями. Цитата из Пушкина: «Я думал: вольность и покой — замена счастью, — боже мой, как я ошибся, как наказан...» И собственное понятие, и собственное резюме Марининой: утрата способности к счастью — это распад личности. Счастье есть ощущение полноты бытия, связанное с самоосуществлением.

Лично для меня счастье — это истинствующая нежность: каждый человек в самой глубинной своей сущности есть Христос, Будда, Аллах, каждый человек лишь тогда доподлинно является, когда он есть как бы благодать святого духа — нежная и пронзительно властная. Недаром Леонардо да Винчи считал человека земным богом. Я бы тут сделал некоторое разграничение. Некто достигший мудрости — человек с большой буквы, но тот, кто человеческую содержательность своего существования уже воплощает как более высокую ценность, чем мудрость, — тот уже вновь человек уже с маленькой буквы, но теперь «это много дороже стоит» — как о Викторе Некрасове (авторе повести «В окопах Сталинграда») сказали.

Так, мне кажется, соотносятся и Бог с богом: когда не знаем, достойны ли породивших нас и верует ли в нас наше человечество или наш Аллах, то, потрясенные, рисуем заглавную букву. Но когда Сиддхарта Гаутама стал тебе

братом, то все эти вырисовывания заглавных букв несущественны — бог с маленькой буквы много дороже стоит. Это счастье как Участь, Призвание, Полнота бытия — это и есть человеческая содержательность человеческого существования, которая выше философии и для которой эта философия, собственно, и нужна. Ведь философия позволяет Человечеству полнокровность суеты. Популярна ведь именно полнокровность суеты, а не счастье. А полнокровность суеты, даже когда она приносит массу радостей, — это в сущности зло, не участь, а злосчастье, «дух счастья», ложь, обман.

Есть духовные предпосылки счастья. Т.Маринина это выразила соотношением «замысла личности о жизни» с «замыслом жизни о личности». Жизнь вообще — как универсум культуры и жизнь личности, как существование потенциального соавтора культуры — это два океана бытия — или «океан людей» и «твердь культуры», «сума» выкристаллизовавшихся солей культуры, — суть и есть соавторы: бессмертный соавтор — универсум культуры и смертный соавтор — смертельно смертный человек.

Если ты не потрясен смертностью своею — не знаю, но предполагаю, что только полнокровность суеты счастьем зовешь, а о самом счастье никакого даже предощущения составить ты не можешь заведомо как о послезагробном мире — вне бессмертности и смертности. Ты тогда это просто «заумью» считаешь, а счастлив несчастьем, излучаешь, но излучаешь мрак, «горишь» струями жидкого азота, а тебе кажется, что это пламя полыхания теплой и нежной души.

Большинство же людей просто не несут в душе сильной жажды большого счастья. Запредельно сильные чувства кажутся им бурей, нарушающей их покой, но буря — это лишь их приход, сами они суть чувства океанические. Однако духовные предпосылки счастливой участи не исчерпываются океаническими чувствами. Главное условие — свобода духа. Без свободы счастливая участь — иллюзия, чванливое самодовольство, эмоциональная бутафория — не более того.

Ценно, что полного отсутствия счастья не бывает. Счастье всегда в какой-то мере с нами: как участь, например, что войны нет — уже счастье, само по себе безоговорочное. Участь как вложенность человека в мир (в войну — если твое счастье — защитить кого-то) и участь принятия внешнего мира в себя — в душу, в дом, в семью, в судьбу. Счастье — это всегда либо счастье дарить себя, либо принимать жизнь как дар такой, какая она есть. Первый перекресток воплощения своей основательности в мир — это перекресток замысла о мире и о своей судьбе в нем, то

есть перекресток духовно освоенного мира и духовного самоосвоения и самообоснования личности. Если нет точки пересечения, то счастье разве что с неба случайно свалится.

Второй перекресток счастливой участи: воплотить свою основательность в мир — это точка или сфера человеческого истинствования, человеческой содержательности, человеческого существования, — когда ты отношение к себе опосредовал всею цельностью внешнего мира, благодаря чему стал без тебя «народ неполный», как говорил герой А.Платонова, — но это сначала, а по сути без тебя теперь мир неполный, потому что ты с пронзительной властностью участь свою нигде и никак не берег, а всю подарил сотворившей тебя природе. Это — счастье.

Н.С.Малеев, младший научный сотрудник Института философии АН Украины (Киев). Я согласен с мнением Владимира Байкальцева о том, что рассуждение о счастье при ближайшем рассмотрении наталкивается на некоторые сложности. В первую очередь они выражаются в том, что когда говорят о счастье, то чаще всего пытаются перечислить тот набор предпосылок, которым должны, по мнению говорящего, исчерпываться условия счастья. В результате мы получаем рассуждение типа: счастье это, когда то-то и то, или же: счастье в том, чтобы делать то-то и то-то. Но с точки зрения элементарной логики такое определение некорректно.

Во-первых, оно не подводит понятие счастья под более общее понятие, чего требует каждое определение. А вовторых, на место отличительных особенностей счастья здесь подставляются, как уже было сказано, его условия.

Казалось бы, нет ничего проще, чем подвести понятие счастья под некоторое более общее понятие. В самом деле, мало кто будет оспаривать, что счастье — это некоторое состояние человека или, если угодно, состояние души. Но такое понимание делает счастье вообще неопределенным, так как любые состояния души не могут быть иерархизированны. Как феномены они либо есть, либо их нет. И их нельзя разбить на более частные формы, которые могли бы служить их собственной характеристикой. Описываются же такие феномены путем сравнивания или, лучше сказать, сталкивания их с другими феноменами такого же порядка. Но если мы посмотрим с этой точки зрения на счастье как на состояние души (человека), то обнаружим, что все или почти все состояния такого рода как раз и относятся к счастью как условия к результату. Например, «счастье — это когда мне хорошо»; или: «счастье — это когда я веселый, влюбленный» и т.д. Но это наталкивает на мысль о том, что счастье вообще не есть состояние души. Или, более определенно, что

те или иные состояния сами являются лишь условиями (предпосылками) счастья (или же отсутствия его).

В таком случае закономерно ставится вопрос: если счастье не состояние, то что же это такое? Попробуем столкнуть счастье с некоторыми понятиями явно одного с ним порядка.

В первую очередь с понятием несчастья. Совершенно очевидно, что несчастье не может квалифицироваться как состояние человека. Наоборот, оно целиком (как кажется) определяется (исчерпывается) независимыми от человека факторами.

Далее. Если абстрагироваться от отрицательного заряда несчастья и положительного заряда счастья, то обнаруживается, что в общеупотребительных смыслах, связанных с этими понятиями, почти всегда присутствует некоторая временная нагрузка. Так, о несчастье чаще всего говорят, что оно пришло или приходит и т.д. А о счастье, наоборот, что оно было или прошло и т.д. Другими словами, счастье чаще всего осознается в связи с его концом, а несчастье — с началом. И только в рамках идеологических клише счастье и несчастье меняются местами. («Построим общество всеобщего счастья», «При прежнем режиме большинство людей были несчастны».)

Здесь мы наблюдаем некоторую историчность (временность) обоих рассматриваемых понятий. Причем что интересно — эта временность более-менее жестко связана с отдельными характеристиками времени. На историчность (временность) этих понятий указывает и то, что оба они тесно связаны с понятием стремления и в философской антропологии зафиксированы в понятии «стремление к счастью» или «стремление избежать несчастья». Также справедливо и другое: уже в первой приводимой нами форме определения счастья: «счастье — это когда...» посредством слова «когда» зафиксирована непреодолимая связь этого понятия с временем. Что же дает фиксация этой связи для понимания счастья?

В первую очередь, как представляется, то, что счастье в принципе не может быть неким субъективным состоянием уже хотя бы потому, что такое состояние не фиксируется временными определениями и, следовательно, не заключают в себе своей историчности. Счастье же относится к чему-то принципиально историчному и является частично характеристикой такого феномена, который разворачивается во времени.

Мне кажется, что счастье является характеристикой жизни как таковой или ее отрезка, но никак не субъекта этой жизни.

И.В.Степаненко, кандидат философских наук, старший преподаватель Харьковского государственного пединститута

им. Г.С.Сковороды. Человек традиционно стремится к счастью. Это стремление порождает не менее традиционное представление о том, что счастье — это хорошо, а несчастье — плохо. Но так ли это? Для того чтобы каким-то образом разрешить этот вопрос, следует определить само понятие «счастье», выяснить, насколько оно возможно и как соотносится с иными устремлениями и потребностями человека.

Уже при первых попытках ответить на вопрос, что же такое счастье, человек приходит к выводу о том, что счастье каждый понимает по-своему. Но поскольку само стремление к счастью является всеобщей, фундаментальной характеристикой человека, то, следовательно, должны быть и какие-то общие основания для определения этого состояния. Мне представляется, что счастье можно определить как ощущение полноты, осмысленности и цельности жизни. Если мы примем такое толкование, то далее возникнет вопрос о том, а как возможно счастье, когда человек чувствует себя счастливым.

Думаю, что это происходит тогда, когда человек овладевает своим бытием, делает его предметом и результатом своей собственной деятельности, когда преодолевает разорванность, бессмысленность и опустошенность существования. Но как это возможно? Представляется, что это возможно лишь через творчество и, шире, через жизнетворчество и самореализацию. И вот здесь возникает определенная дилемма или даже антиномия между творчеством самореализации и счастьем. Мы обнаруживаем, что свойством творчески самореализующейся личности является не «счастливость», а «несчастливость». Примеров тому в истории культуры множество. Гораздо меньше примеров обратного характера. С чем это связано?

Дело в том, что само творчество есть деятельность по созданию нового, раздвигающего границы и возможности человеческого бытия. Таким образом, каждый акт творческой самореализации несет за собой не только чувство удовлетворения и преодоления разорванности и неполноты бытия, но и (в качестве своеобразного остатка) чувство неполноты, незавершенности сделанного. Без этого «остатка» удовлетворение превратится в опустошенность, а ощущение счастья трансформируется в чувство творческого бесплодия.

В этой связи можно выделить еще один аспект проблемы счастья. Он состоит в разграничении стремления к счастью и ощущения, то есть состояния счастья. Человек, достигший состояния счастья, уже не будет стремиться к изменению этого состояния. Сама потребность к изменению сложившихся условий жизни и индивидуально-личностного самоощущения предполагает определенную неудовлетворен-

ность этим состоянием, ощущение определенной «несчастливости». Человек, который упивается, наслаждается счастьем, рано или поздно обнаружит, что наслаждается чем-то эфимерным, что состояние, которое он воспринимал как счастье, больше таковым не является. То есть состояние счастья всегда мимолетно и не может быть иным. Обретая устойчивость, это состояние превращается в свою противоположность.

Таким образом, человек, как правило, сопричастен лишь стремлению к счастью, а не самому состоянию счастья.

С другой стороны, стремление к счастью есть не что иное, как убегание от несчастья. Человек, ощущая свою несчастливость, стремится ее преодолеть. Итак, насколько состояние счастья является эфемерным и неустойчивым, настолько состояние несчастья оказывается устойчивым и фундаментальным, определяющим значительную часть наших жизненных устремлений.

Я, естественно, заострила данную проблему. Человек, разумеется, не может жить, постоянно ощущая свою несчастливость. Поэтому состояние несчастья он, как правило, воспринимает и осознает как стремление к счастью, но очень редко его обретает на продолжительное время.

Каков же выход? Здесь, на мой взгляд, уместно вспомнить франкловскую концепцию смысла отношений. Многое зависит от того, как мы воспринимаем свое собственное сиюминутное состояние. Мы можем относиться к нему как к состоянию несчастья, а можем и как к стремлению, движению к счастью. Может быть, в этом отношении мы и сможем обрести устойчивое счастье. (Продолжение см. на с. 31)

КАМЕНЬ СЧАСТЬЯ

Символика драгоценных камней. Отд. оттискъ 1-го тома «Древности». Труд. М. Арх. Общ. типография Крачева и К^{0} у Пречистинскихъ воротъ (1857).

...вирилл (бирюза. — *Ред.*) поддерживает любовь и дружбу к тому, кто его на себе носит...

Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. М.И.Пыляева. Третье издание, значительно дополненное. С.-Петербург. Издание А.С.Суворина, 1896 (С.203).

Бирюза... (камень счастья)... По понятиям персиян, бирюза есть не что иное, как кости людей, умерших от любви!..

Е.А.Лазоренко, аспирантка Института философии АН Украины (Киев). То, что высшей целью человеческой жизни является стремление к счастью, практически никем не подвергается сомнению. Однако как только речь заходит о содержательной наполненности данного феномена, пути его достижения, так сразу мнения расходятся.

Идея отождествления счастья со смыслом как индивидуальной жизни, так и общечеловеческого существования является довольно древней. Она принимала и форму христианских ересей с призывом к «построению земного рая», и воплощалась уже в наше время в одном из лозунгов печально известного Соловецкого лагеря: «Загоним всех железной рукой к счастью». Данный лозунг стал частью официального «новояза», появившегося с установлением диктатуры пролетариата. Подлинное значение счастья было предано забвению. Силе, которой понятие счастья наделено в сознании людей, отводилась абсурдная и, как оказалось, небезопасная роль слова-символа, потерявшего свое частичное значение. Почему я считаю эту тенденцию небезопасной? Прежде всего потому, что она привела к сумятице в умах, к формированию в современной ментальности неадекватного своему содержанию, одномерного понятия счастья.

Вместо того чтобы видеть в счастье возможность непосредственной самореализации творческих сил человека, счастье (преимущественно в обыденном его толковании) стало сводиться к элементарному обладанию каким-то объектом. Даже возможность совершенного воплощения своих творческих сил сама по себе не несет счастья, оно становится возможным только при условии свободного индивидуального выбора. Последний, в свою очередь, пред-

---

Эпифас Леви-младший. О свойствах камней или о талисманах. Б/г. (С.15—16).

Берилл — это камень своеобразной формы, он магически связан с мышлением и разумом человека. Его носят как талисман, оберегающий жизнь в дальних походах. Будучи особенно чистым и однородным, он помогает в исследованиях и занятиях философией.

Е.Лазарев. Священные камни Небесного града // Наука и религия. — 1991.— № 8. — С.45.

...вирилл (это принятая в церковнославянском языке форма слова «берилл» ...Желтый или зеленоватый берилл — «добрый спутник странников», по выражению А.Куприна. Его носят путешественники как талисман, оберегающий жизнь... он мистически связан с процессом мышления, помогает ученым и философам. Берилл использовался в средневековой медицине: его растирали в порошок, приготовляли на этой

полагает, что человеческий путь к счастью не задается с жесткой определенностью внутренними и внешними механизмами и закономерностями, однако идеал счастья будет осознаваться как реальный архетип.

Его достижение возможно, следовательно, благодаря индивидуальным усилиям, без внешнего побудительного воздействия. Не стоя на точке зрения о врожденной лености человеческого естества, положа руку на сердце, хочется спросить: а как часто человек предпринимает какие-либо действия без необходимости, без реально ощущаемой причины? Ответ дан еще в христианском учении. В Евангелии сказано: знаю, как сделать лучше, однако поступаю как хуже.

Итак, счастье человека зависит от того, насколько его творческие силы получают полноту, простор, адекватную форму самореализации в предметной деятельности. Человек получает удовлетворение благодаря такому процессу деятельности, в котором человеческие силы и способности реализуются в наиболее приемлемой и желаемой форме. Таким образом, тот момент, когда происходит слияние вышеобозначенных условий, и может дать человеку ощущение счастья.

Г.В.Гардашук, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии АН Украины. О счастье вряд ли нужно говорить. Счастье надо проживать. Конечно, встает вопрос: если его только проживать, не фиксировать, не запечатлевать, будешь ли сам знать о своем счастье? Будут ли другие знать о нем? Но очевидно, фиксировать его нужно не столько в словах и на бумаге, сколько в своей памяти. А будут ли знать другие — так ли это важно? Конечно,

---

основе мазь и пытались лечить ею болезни глаз, проказу и старые раны...

Советский ученый профессор Г.Г.Леммлейн установил, что... «берилл» первоначально было названием бирюзы... цвет бирюзы порой меняется без видимых причин. Считают, что она бледнеет в руках больного человека и становится белой в час его смерти, но впоследствии возвращает свой лазурный свет...

Издревле бирюза славится как камень счастья. Она дарует мир и благоденствие всем людям, кроме злодеев (которым она приносит несчастье), она отводит опасность... Бирюза — талисман воинов... Бирюза... выступает символом запредельного мира... символом духовного неба, достичь которого может лишь тот, кто пройдет через смерть... Но, наверное, никто еще не постиг до конца этот камень цвета волн Великого океана...

если человек желает легализовать свои переживания — это его право. Так поступают поэт, писатель, композитор. Они открывают перед обществом глубины своего личного бытия.

Но здесь, на мой взгляд, подстерегает опасность. Если ты пытаешься как-то вербализовать переживание счастья, то оно в этом процессе может исчезнуть, испариться. Попытка фиксации счастья и выноса его во вне себя в какой-либо объективированной форме может привести к парадоксальному результату. Человек будет неизбежно задумываться: а счастье ли это? А какое? А правильно ли? То есть примется структурировать переживание, теряя тем самым его. Подобным образом можно рационализировать и скорбь, и горе, и любовь.

Как социальная категория счастье неприменимо. Счастливое общество — это нонсенс. Общество можно определять через благосостояние, свободу, стабильность. Счастье же — очень индивидуализированное состояние, оно не поддается универсализации. Любая попытка создать «счастливое общество», подчеркну еще раз, ведет к насилию над человеком, следовательно, делает счастье невозможным.

С.И.Грабовский, аспирант Института философии АН Украины (Киев). Я вполне согласен с постановкой проблемы Г.В.Гардашук: категория счастья неприменима для исследования общественных процессов. Более того: любая попытка «опрокинуть» категориальную сеть, одним из смысловых центров которой является «счастье», на социально-практическую деятельность приводит к разворачиванию тоталитарной утопии.

Почему так происходит? Очевидно, вследствие самой бытийственной специфики счастья. Все участники нашего «круглого стола» так или иначе связали счастье с переживанием полноты, целостности, глубинности, если хотите, подлинности человеческого жизнеосуществления. Но люди различны. Многообразие психофизиологических характеристик, уникальность и неповторимость человеческих судеб, человеческих жизненных проектов делают невозможными любые попытки подогнать всех под единый стандарт. (При этом не имеет значения, какие благие намерения вкладываются кем-то в такую стандартизацию человечески-сущного.)

Сказанное не отрицает необходимых общественных норм и механизмов регуляции социальных отношений. Но человек должен иметь сферу автономии как сугубо духовной, так и деятельностно-практической. Тем более к этой сфере автономии должны относиться такие процессы и феномены, которым органично присущи таинство, проникновенность, интимность, несводимость к рациональным формам. Сказанное в полной мере относится и к счастью.

Иными словами, целостность и полнота бытия одного человека, напряженность и радостность (или трагичность) его духа не могут быть исчерпывающе постигнуты другим человеком, тем более запрограммированы им. Здесь возможен лишь равноправный диалог, доверительность и участность. Но и в таком случае останутся некие нераскрываемые, личностно-бытийные глубины индивидуального духовного опыта. Что ж говорить о попытках всеобщего осчастливливания, то есть создания некоторого рационального утопического проекта, в содержании которого исчерпывалась бы вся уникальность и неповторимость миллионов судеб! Это равнозначно попыткам стать демиургом Вселенной с той лишь разницей, что сконцентрированные в руках субъекта утопии силы государства способны «выжечь» человеческие судьбы, но не могут зажечь новые звезды.

Сказанное не означает, однако, что категория счастья должна быть совершенно исключена из философского лексикона. Ее место — в философской антропологии, в философии судьбы и самоосуществления. Что же касается общества, то единственное, что может сделать социальная практика (и социальная теория) для реального человеческого счастья, — это содействовать максимально возможной реализации в социокультурном времени-пространстве принципов свободы, солидарности и справедливости. Все остальное — это усилия индивида, его судьба.

Л. А. Полыковский (Витебск)

СЧАСТЬЕ КАК КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

Что такое счастье, как его достичь? Этим вопросом задавались пытливые мыслители всех времен и народов. Можно предложить такой подход к решению этого вопроса. В зависимости от уровня развития человеческого общества выдвигаются и объявляются истинными различные пути достижения счастья. И сам идеал счастья в этих вариантах становится все более и более совершенным. Можно выделить два примитивных идеала счастья, сохранивших свое значение до наших дней. Первый из них — это возможность удовлетворения всевозрастающих человеческих потребностей. Однако этот идеал является недостижимым, поскольку человеческие потребности всегда растут с опережени-

ем возможностей их удовлетворения. И люди, следующие этому идеалу, несчастны.

Второй примитивный идеал счастья связан с возможностью достижения максимальной свободы в своей деятельности. Однако в условиях современного развития общества если человеку и дают свободу, то он не знает, что с ней делать. Свободное время, которое человек не может использовать разумно, — это величайшее несчастье. Так же обстоит дело и с другими свободами. Вывод можно сделать такой: если жизнь данного человека и данного общества организована ненаучно, то и человек не вполне счастлив или даже несчастлив в таком обществе, несмотря ни на какие усилия.

Как все же приблизиться к достижению совершенного идеала счастья? Во-первых, следует преодолеть свое эго, которое толкает человека на достижение примитивного счастья без всестороннего научного учета всей совокупности возникающих на этом пути проблем. Во-вторых, необходима разработка достаточно совершенной научной методики поиска всех возможностей самореализации данного конкретного человека. То есть без научно организованного общества здесь не обойтись. В-третьих, необходимо создание достаточно совершенного механизма, чтобы безусловно обеспечить условия достижения достаточно полной и качественной самореализации человека.

В случае если эти условия выполнены, счастье человека будет выражаться в том, что он получает удовлетворение оттого, что его работа над собой и делом своей жизни приносит ему максимально возможную радость творчества, что он нужен людям, ибо незаменим вследствие своей уникальности. Радость будет и оттого, что человек преодолел все ошибочные варианты своего развития и выбрал подлинно истинный. То есть даже уверенность человека в себе, в своем завтрашнем дне приобретет подлинно научные основания. И именно неисчерпаемые человеческие возможности станут конкретным предметом реализации через преодоление человеком смерти (конечности существования), болезней и телесных страданий.

Таким образом, всестороннее и гармоничное счастье человека — это максимальный расцвет всех сторон его *Я*, через колоссальный, воистину героический его труд над собой при всесторонней научно организованной поддержке подлинно коммунистического общества.

Е.В.Порфирьев (Краснодар)

СЧАСТЬЕ КАК ЕДИНСТВО МНЕНИЙ

Понятие счастья разными людьми мыслится по-разному. Одни видят его в материальных благах; другие — успешных результатах труда, в семейном благополучии; третьи — в творческом удовлетворении от познания окружающей их реальности. Говорят так: сколько существует людей, столько и мнений, иными словами — мир един, но способов его отражения (познания) много.

Основное предназначение человека (да и любого иного разумного существа) определяется способом его существования, способностью познавать окружающий мир и активно преобразовывать его. Различные философские школы (учения) дают нам различное всеобщее описание мира в целом. Это отнюдь не означает, что какое-то учение не верно, а лишь доказывает формулу: «Единство в многообразии», т.е. каждое учение — это одна из граней (причем объективных) Бесконечного Мира, если, конечно, они не исключают друг друга, и каждое учение право по-своему. Это можно сравнить с притчей о трех мудрецах, которым нужно было ответить, что есть слон. Один мудрец ощупал хвост и сказал: «Это что-то длинное и тонкое, как веревка», другой ощупал ногу и сказал: «Это что-то круглое и толстое, как колонна», третий ощупал хобот и сказал: «Это что-то гибкое и мягкое, как змея». Все они были правы по-своему.

В любом учении — как научном, так и религиозном — тоже не может быть извечных догм, все пребывает в постоянном изменении и развитии, меняются со временем и наши представления о мире в целом, поэтому из любого учения следует брать лучшее, но помнить, что для каждой эпохи и каждого народа (цивилизации) наиболее адекватно свое специфическое учение.

Мне кажется, что счастье (в полном смысле этого слова) — это ощущение удовлетворенности от выявления тех инвариантов общей картины (модели) мироздания, на которых основываются любые учения. При достижении этого высшего знания человек получает огромное духовное удовлетворение. В более общем случае счастье — это обнаружение единодушия в любой альтернативной ситуации.

СТРАНИЧКА ФИЛОСОФСКО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ЧИТАТЕЛЕЙ

Г.А.Бушуева

Говорят: счастлив, кто не родился —
Мол, не узнать предательства ему,
Не умереть от вероломства друга
И не увидеть в боге сатану.
Не пасть, сраженным клеветою,
Не задохнуться в мутной лжи,
Не мучиться обманутой душою,
Не каменеть и в ровности души...
Счастлив, кто не родится,
Кто не родится, тот и не умрет.

Кто не родится — тот не удивится
Ни звонкой свежести ветров,
Ни буйной вольнице дубрав,
Ни нежности влюбленных трав,
Ни божьей искре птичьих строф,
Что ткут из наших душ любовь...
Кто не родится — тот не состоится.
Мы ж родились. Хвала Творцу!
И пусть душа в бореньях закалится —
Достойно чтоб прийти к концу.

Г.Г.Кириленко,
кандидат философских наук

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И СУДЬБА

...И от судеб спасенья нет.

А.С.Пушкин

К свободе призваны вы, братия.

Ап.Павел

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

У общества и отдельного человека есть спокойные, «нормальные» периоды, когда жизнь как бы плавно идет по уже накатанному пути, и переломные, «экстраординарные». «Нормальное» течение жизни позволяет человеку планировать ее, надеяться на лучший удел, стремиться не упустить счастливого шанса. Когда же рушатся все считавшиеся незыблемыми устои: нормы, идеалы, традиции, когда рвется связь времен и будущее, казавшееся недавно

столь определенным, растворяется в тумане, а прошлое утрачивает свои привычные очертания — тогда перед каждым встают вопросы: «Можно ли начать жизнь заново?», «Можно ли переиграть свою судьбу?». Ответов на эти вопросы в самой жизни, в хаосе противоречивых событий, фактов, поступков нет. Пытаясь отличить возможное от невозможного, желаемое от действительного, вероятное от неизбежного, мы апеллируем к житейской мудрости:

Господи, дай мне душевный
покой,
чтобы принимать
то, чего я не могу изменить,
мужество —
изменять то, что могу,
и мудрость —
всегда отличать одно от другого[1].

Но житейская мудрость сама терпит бедствие в «мире аварий». Ей на смену приходят философские вопросы: «Что такое судьба?», «Можно ли стать ее господином, хозяином?».

Итак, в переломные периоды личный опыт обнаруживает свою ограниченность, а житейская мудрость, обращаясь к культурному опыту человечества, открывает дорогу для философского осмысления человеком своей судьбы...

Жизнь человека — это «материал», в который судьба воплощает свои веления, это «эмпирия судьбы». Способы действия судьбы, ее воплощения в человеческой жизни могут быть различны. Судьба может действовать через внешний событийный ряд, жестко детерминируя те обстоятельства, ситуации, в которые попадает человек. Это **абсолютная предрешенность** всех событий человеческой жизни: то, что случилось, обязательно должно было случиться. Или же по-другому: то, что с тобой произойдет, произойдет обязательно... Вспомним многочисленные волшебные зеркала сказок, в которых герой видит весь ход своей будущей жизни.

Но судьба может рассматриваться и как основная **«тенденция» жизни**, вокруг которой колеблются разнообразные жизненные коллизии. Лучше всего такая форма бытия судьбы проявляется в судьбе как характере человека. Различны обстоятельства, событийная канва жизни, различны одежды, в которые облекается судьба, но ее предначертания реализуются с железной необходимостью: характер рождает судьбу.

В рассказе О'Генри «Дороги судьбы» проигрываются три варианта жизненного пути молодого поэта Давида Верньо. Неизменным остается лишь одно: любовь к поэзии, отсутствие таланта, искренность, романтический склад души. Несмотря на разли-

---

[1] Воннегут К. Бойня номер пять //Д.Сэлинджер. Повести и рассказы. Воннегут К. Романы. — М.: Радуга, 1983. — С. 654 — 655.

чие внешнего рисунка жизни, ее событийной наполненности (участие в заговоре, женитьба на аристократке, жизнь в деревне), все три варианта жизненного пути реализуют одну судьбу. Своеобразным символом неизбывности судьбы несчастного поэта оказываются пистолеты маркиза де Бопертюи, от которых он погибает во всех трех вариантах.

В образе судьбы воплощается ощущение человеческой несвободы. Можно с покорностью принять свой жребий, можно испытывать чувство неприятия того, что предназначено, можно попытаться обмануть судьбу, открыто с ней сразиться, познать ее... Но все попытки выстроить свой жизненный путь как бы в стороне от дороги судьбы обычно кончаются неудачей. Вообще, в самом основном вопросе взаимоотношений человека с судьбой – в вопросе о ее преодолении – уже содержится оценка судьбы как несчастья. Ведь в конечном итоге все попытки преодолеть судьбу – это неприятие небытия, борьба с небытием. Полная предрешенность человеческого бытия и есть небытие: все чуждое мне – это не-я, не мое бытие, не-бытие. Недаром тема смерти неотделима от темы судьбы.

С точки зрения небытия все события жизни оказываются неважными, несущественными. Основная «задача» судьбы-небытия, противостоящей человеку, – поглотить его. Поэтому смерть – единственно значительное, «судьбоносное» событие. То, что происходит в промежутке между рождением и смертью, сама жизнь, – неважно, призрачно с точки зрения небытия. Все события сжимаются до внепространственной точки на нити жизни. Одна нить жизни, которую прядет небесная пряха, отличается от другой лишь по длине. «Из бездны моего будущего, – кричит перед смертью герой повести А.Камю «Посторонний», – поднималось ко мне сквозь еще не наставшие годы дыхание мрака, оно все уравнивало на своем пути, все доступное мне в моей жизни, такой ненастоящей, призрачной жизни... Одна-единственная судьба должна была избрать меня самого, а вместе со мною и миллиарды других избранников...»[1].

Приняв «точку зрения небытия», человек воспринимает свою жизнь не иначе, как абсолютную бессмыслицу, где все события равнозначны, или, что то же самое, равно не имеют значения. В этом случае события жизни человека, его жизненный путь не освящены целью и не освящены высшими ценностями. Судьба как небытие лишает бытие осмысленности. Жизнь как осмысленное и завершенное целое не существует: это не мной задуманная жизнь, не я ее автор. *Я* погружено в сиюминутное, в телесность, единственный способ бытия – удовлетворение моих мимолетных желаний.

---

[1] К а м ю А. Избранное. – М.: Прогресс, 1969. – С. 130.

Лишь одно чувство нежелания покориться судьбе и сохраняет ту грань, которая отделяет бытие от небытия. Сам гамлетовский вопрос «быть или не быть?», склониться под ударами судьбы или сразить ее в противоборстве — уже есть форма утверждения бытия. Фатализм парадоксальным образом вопреки общепринятому мнению может стать началом «самостоянья» человека.

«Игра» с судьбой незаметным образом меняет и характеристики самой судьбы. Она антропоморфизируется, приобретает временные, конечные формы, превращается в бытие. Человеку противостоит уже не судьба — слепой и неотвратимый рок, а судьба-случай. С такой судьбой можно договориться, ее можно обмануть. Человек пререкается с судьбой, ощущение предрешенности в этом случае теряется, исчезает трагический налет во взаимоотношениях человека и его судьбы. Фортуну можно пинать ногами, как женщину, говорил Н.Маккиавелли[1] ,она так же капризна и своенравна. Наконец, сам человек может взять на себя роль судьбы-случая. «Мужем рока» назвал Наполеона Лермонтов, о Ленине как «человеке судьбы» писал Н.Бердяев. Трагическое противостояние бытия-небытия исчезает. Судьба — материал, которому человек своими деяниями придает желаемую форму. **Жизненный путь и судьба меняются местами**: человек своими делами, своими руками создает собственную судьбу.

Судьбу-случай человек своими удачными и хитроумными действиями превращает в судьбу как **замысел человека о самом себе**.

Так обнаруживается второй смысл понятия судьбы. Судьба — это и **внешняя обусловленность человеческой жизни**, и связность, **завершенность человеческого бытия**, его «логика». Так понимаемая судьба уже не тождественна несчастью, она может быть и счастливой. Но что связывает факты жизни воедино, что превращает их в «этапы жизненного пути», не грозит ли человеку опасность **затеряться в бытие**, лишенном границ, отделяющих его от небытия? Не иллюзорна ли такая победа человека над судьбой? Как свидетельствует опыт человечества, такая опасность вполне реальна.

Своеобразный ответ на вопросы, задаваемые на протяжении столетий, человечество получило в XX в. Найденный выход из тупика противоречий на первый взгляд был достаточно простым и эффективным. А что если точку опоры, стержень человеческой жизни искать не в *Я* ,а в *Мы*? Хаотичный процесс «пререканий» с судьбой, сопровождающийся постоянным риском, то погружающий человека в бездны отчаяния, то возносящий его на вершины жизни, заменяется упорядоченным овладением обстоятельствами жизни. Этот новый мир, говорит

---

[1] Маккиавелли Н. Избр. соч. — М., 1982. — С. 375.

герой О.Хаксли, «уже не мир «Отелло». ...Теперь же мир стабилен, устойчив. Люди счастливы; они получают все то, чего хотят, и не способны хотеть того, чего получить не могут. Они живут в достатке, в безопасности; не знают болезней; не боятся смерти; блаженно не ведают страсти и старости... они так сформованы, что практически не могут выйти из рамок положенного»[1]. Как достигается такое состояние? На самом ли деле преодолеваются смерть, страдания, страх?

В утопии О.Хаксли относительная защищенность индивида от опасностей, грозящих ему в «естественном» мире, достигается насильственной изоляцией человека от реальности. Горе, скорбь, привязанность к близким, чувство невосполнимой утраты, наконец, благоговение перед непостижимым — все эти чувства рассматриваются как нарушение приличий. Устранение препятствий, встающих на жизненном пути человека, достигаемое через умелое социобиологическое регулирование, делает ненужными проявления героизма и благородства, обессмысливает конфликты долга и верности, любви и чести. «...Люди так сформованы, что попросту не могут иначе поступать, чем от них требуется. И то, что от них требуется, в общем и целом так приятно, стольким естественным импульсам дается теперь простор, что по сути не приходится противиться соблазнам»[2]. Новый человек, «отмытый дочиста» от способности осознавать свою возможность противостоять окружающему, исполняет единственную заповедь «ты есть»[3]. «Ты есть» не означает бытия индивида как самостоятельной, ответственной личности. «Ты есть» означает только то, что тот зазор между сущим и должным, прошлым и будущим, хорошим и дурным, который и составляет основу индивидуального саморазвития, отсутствует в индивиде. Поэтому «существовать» в равной степени означает «не существовать», бытие равно небытию. Недаром «государственная» философия одного из обществ подобного типа именуется «поклонение смерти» или «уничтожение личности»[4]. Индивид существует только в одном смысле — как функциональная единица коллектива.

Человек, таким образом, сбрасывает бремя судьбы, избавляется от «кошмара истории», от неумолимого хода времени только на пути особого «коллективного солипсиз-

---

[1] Замятин. Е. Мы. Хаксли О. О дивный новый мир. — М.: Художественная литература, 1989. — С. 320 — 321.

[2] Хаксли О. О дивный новый мир. — С. 334.

[3] См.: Оруэлл Д. Проза отчаяния и надежды. — Л.: Лениздат, 1990. — С. 201.

[4] См.: там же. — С. 157.

ма», путем создания иллюзорного мира, в котором судьбе просто нет места. Но такое мироощущение, избавляя человека от чувства страха, одновременно лишает его надежды; избавляя от сомнений, лишает веры; избавляя от утрат, лишает любви. Исчезновение ощущения столкновения с небытием лишает возможности осмыслить и свой собственный жизненный путь, придать ему завершенность, цельность, осмысленность — достоинство бытия.

Судьба, как мы видим, не рудимент древнего миросозерцания — это необходимый элемент нашего духовного мира, своеобразный символ взаимоотношений человека с миром. Вернее, судьба оказывается элементом самого нашего бытия: человек совершает определенные действия по отношению к судьбе — борется с ней, подчиняется, смиряется, играет. Это не борьба с фикцией, человеческие представления о судьбе приобретают модус реальности. Судьба символизирует тот аспект действительности, который является для человека жизненно важным. Другими словами, иные явления, такие, как смерть, время, вечность, человек не может освоить иначе, как в форме судьбы. Судьба, следовательно, необходимый элемент человеческого «жизнеустроения», жизненного мира, в котором действительность дана вместе со своим осознанием. Это не мир теоретика, это мир человеческих поступков, выборов, решений.

Разные представления о судьбе — как неотвратимом роке и логике характера, как внутренней завершенности человеческого бытия и замысле о самом себе — по-разному реализуются в различных типах жизнеустроения.

АД БЕСКОНЕЧНОГО ПОВТОРЕНИЯ

Никто не станет отрицать, что первичные, «витальные» потребности (в пище, отдыхе, сне, в защите от холода, жары и т.п.) — необходимый элемент человеческой жизнедеятельности. Попытаемся мысленно очистить жизненный мир современного человека от иных, более сложных потребностей, духовных исканий, идеалов, ценностей. Горизонт бытия индивида сузится до стремления получать удовольствия и избегать страданий. Его не интересует ни звездное небо, ни душа другого человека, ни собственная душа. Окружающее интересно постольку, поскольку оно способствует удовлетворению потребностей или препятствует этому. *Я* оказывается естественным центром такого мира, объективный мир не обладает для этого *Я* какой-то определенной структурой. Он может быть текуч, изменчив, если эта изменчивость — условие получения удоволь-

ствия; может быть неизменен, если именно неизменность оказывается предпосылкой удовлетворения витальных потребностей. Другими словами, человек не живет в мире, развивающемся по общим законам, в нем нет случайного и необходимого, частей и целого, формы и содержания. Его мир— ситуативен, это мир конкретных ситуаций. В этом мире нет ощущения времени: «прошлое уже не существует», ибо потребность может быть удовлетворена только в настоящем; «будущее еще не существует», так как ожидания, мечты, проекты находятся за пределами мира «витального» человека; удовлетворение потребностей сиюминутно.

Но сиюминутность не есть настоящее, она «не обрамлена» прошлым и будущим, настоящее поэтому не распознаваемо в жизненном потоке. Можно сказать, что в этом мире человек уподобляется ребенку, с удовольствием слушающему одну и ту же сказку несчетное число раз, это мир бесконечного повторения, мир безвременья.

Однако реально человек никогда не признается себе в том, что он живет в подобном мозаичном мире. Доминирующее «витальное» начало жизни камуфлируется, подделывается под иные, социально признанные типы отношений. Легкость таких переодеваний обусловлена тем, что витальному началу жизненного мира безразличны одежды, в которые оно переодевается. Тяга к постоянству удовлетворения потребностей может осознаваться как идеализация прошлого или как тяготение к устойчивым социальным структурам, к традиционному укладу жизни, к консервативным политическим пристрастиям. Но это «псевдовремя» и «псевдопространство» — они лишь символы стремления к постоянству реализации своего основного жизненного отношения. В равной степени этот мир может быть «дан» сознанию и в иных формах — «эстетической» (апологии хаоса как «цветущего, жужжащего беспорядка жизни»), в форме квазинравственной мудрости («все принять и все простить»).

Мир как бы втягивается в человека, который не дает ему возможности предстать в независимом от человека обличье. Именно потому, что «человек желающий» принципиально нерефлексивен (оборачивание взгляда «вовнутрь» прерывает хотение), он предстает в слитности с тем миром, в котором живет в настоящий момент. Человек мира непосредственной жизненности не строит планов, не мечтает, не надеется... Это уже деятельность «из другого мира». У.Голдинг в «Повелителе мух» реконструирует механизм разрушения сложной целенаправленной деятельности — поддержания пламени костра — в мире ребенка — мире непосредственной жизненности. Костер необходим мальчикам, оказавшимся на необитаемом острове, как сигнал для

проплывающих кораблей. Костер — их единственная возможность спасения. Но поддержание пламени — долгий и утомительный процесс. По мере того как мир маленьких гедонистов освобождается от камуфлирующих его одежд — правил мира взрослых, — на первый план выступают изначальные потребности в пище, игре, во сне. Задача поддержания пламени костра выталкивается из сознания: «С костром связано что-то очень важное. Но что?» — пытается вспомнить сам инициатор поддержания костра[1]. Конечно, в реальных ситуациях мы всегда достигаем желаемого не мгновенно, совершаем определенные усилия — как минимум надо открыть рот, чтобы туда положить пищу. Но средства в сознании гедониста как бы редуцируются, не воспринимаются в качестве элемента жизненного мира. Поэтому любые средства в таком мире оправданы.

Жизненный путь рассыпается на множество не связанных между собой эпизодов и в этом смысле — одинаково «судьбоносных». Судьба и как замысел, и как «промысел» не находит себе места в так устроенном мире.

Однако «погруженность в жизнь», в свое витальное, жизненное отношение часто сочетается с повышенным интересом к событиям, вещам, никак не связанным с процессом реализации своих жизненных отношений, порой весьма далеких от них.

Подобный «чистый» интерес, как и интерес к спорту, к «высокой» политике (выраженный в бессмертном афоризме «Бриан — это голова» авторами «Золотого теленка»), лишь внешним образом сходен с интересом исследователя, страстью общественного деятеля, размышлениями философа. Интерес этот так же быстро угасает, как и возникает, никак не влияя на ход жизни индивида, он проявляется как бы в вакууме, пустоте. Что же за ним стоит?

Столь пристальное внимание к общему, расширение границ своего мира происходят не в результате реализации какой-то глубинной, внутренней потребности, выводящей человека за границы его «витальности». В силу отсутствия пространства, осознанной границы между человеком и предметом его желания, в силу аморфности субъект-объектного отношения открывается возможность переноса этого витального отношения на предметы, никак с ним не связанные. Человек как бы приписывает себя к миру вещей, событий, далеких от его жизни: отношение между «Я желающим» и миром как объектом удовлетворения желаний (Я ем яблоко, потому что хочу его съесть) переворачивается (Я хочу яблоко, потому что ем его). Разговор о политике в рамках этого «перевернутого» отношения не

---

[1] См.: Голдинг У. «Шпиль» и другие повести. — М.: Прогресс, 1981. — С.138 — 139.

результат глубокой потребности в политической деятельности, а как бы подтверждение моего интереса к ней. Я как бы переношусь в мир политики и искусства, говоря о них, даже просто пересказывая чужие мнения, повторяя слова героев кинофильма — творя своеобразное заклинание. Такая современная магия, опирающаяся на структуры мира непосредственной жизненности, делает меня причастным к миру искусства, философии, религии, политики. Она закрепляет мое бытие в мире, умножает меня, строит мою «псевдосудьбу» — помогает бороться с небытием. Именно в мире непосредственной жизненности раскрывается смысл взаимоотношений человека с судьбой в утопиях Хаксли и Оруэлла, Замятина и Лема: «Быть всем, не рискуя ничем!» Приписывание себя к миру далеких от меня событий, явлений не предполагает построения модели этого «большого» мира, он мозаичен, хотя и лишен ситуативности, ибо не является объектом витальной потребности.

Такая форма борьбы с небытием, укорененная в повседневности и проявляющаяся в ненаправленном, бесцельном интересе к окружающему, часто выступает в форме «чистой» любознательности (чтение дедом Щукарем словарей и энциклопедий в алфавитном порядке). «Я знаю» в этом случае означает «я есть»; чем больше я знаю, тем больше меня в мире, тем дальше отступает небытие. Но что мне делать с этим знанием? Только «складировать» его, заниматься простым накопительством. От знаний, лежащих мертвым грузом, остаются одни имена. Утверждение себя в мире оказывается владением пустой формой этого мира — именем, знаком. Текучие, меняющиеся смыслы испаряются. Метафорой смерти как отделения от вещей их знаковой оболочки, их имен можно назвать рассказ Ю.Олеши «Лиомпа». Два мира сопоставляются в нем — мир тяжелобольного, умирающего Пономарева и мир маленького мальчика, видимо, его внука. Оба они живут в мире непосредственной жизненности. Весь рассказ — это череда чувственных впечатлений, возникающих в сознании умирающего и в сознании ребенка. Мир мальчика — мир витальности во всей его первозданности, непосредственности — чувственный хаос, где представления о вещи не отделяются от самой вещи, где вещи не имеют имен. «Каждая секунда создавала ему новую вещь... Вещи неслись ему навстречу. Он улыбался им, не зная ни одного имени. Он уходил, и пышный шлейф вещей бился за ним». Этот мир младенца, мир непосредственной жизненности гаснет в подростке Александре, который «узнал законы» и опять возрождается в умирающем дедушке. Для него смерть оказывается отделением имени от вещи. Уходящие вещи оставляли уми-

рающему только свои имена. «Вот они ушли от меня, — размышлял он, — и только имена их — бесполезные имена, потерявшие хозяев, — роятся в моем мозгу. А что мне с этих имен?»[1] Но предметы наших желаний не имеют имен. Безымянность как бы залог их подлинности. И в больном сознании возникает мысль, что его смерть наступит, когда он даст имя тому, что не имеет имени, как бы окончательно остановив поток жизни.

Но не только собственная смерть может рассматриваться как благо. Смерть другого тоже может стать «благом». Приписывая себя к «иному» — явлениям и процессам окружающего мира, примысливая себя к бытию другого человека, мы не просто увековечиваем себя. Это иное как бы становится необходимым элементом нашего мира, условием его незыблемости, залогом нашего существования. Но сохранить «другое» для себя, сделать его своим можно, только редуцировав, говоря отвлеченно, его самобытность, или, проще, сохранить только имя, уничтожив обозначаемую им реальность. В новелле Х.Кортасара «Мы так любим Гленду» поклонники творчества кинозвезды Гленды Гарсон, живущие «под небесами Гленды», сначала изъяли все существующие копии фильмов с ее участием и исправили их с помощью монтажа сообразно своим представлениям, а затем, чтобы сохранить неизменность своего мира, центром которого стала Гленда, обрекают ее саму на смерть, лишают возможности изменить ею же созданный образ. «Теперь Гленда совершенна, совершенна для нас навсегда»[2].

Кредо человека непосредственной жизненности, стержень его мира — это бесконечно длящееся мгновение. Но включение этого непосредственного жизненного отношения в иные духовные структуры не может не наложить на него свой отпечаток. Обреченный на вечное повторение, «витальный» человек начинает искать избавления от этого ада повседневности, «ада бесконечного повторения», начинает искать свою судьбу в других мирах, пытается воплотить свой мир в несвойственном ему материале культуры — и обретает там смерть.

ПОД ЗНАКОМ ЦЕЛИ

Невозможность сиюминутного удовлетворения жизненных потребностей может либо вести к погружению в небытие, к бесконечно длящемуся кошмару, либо к переструктурированию своего жизненного обустройства.

---

1 Олеша Ю. Повести и рассказы. — М.: Художественная литература, 1965. — С. 264, 265.

2 Кортасар Хулио. Непрерывность парков. — М.: Известия, 1984.

Между индивидом, жаждущим удовлетворения потребности, и самим объектом этой потребности сознание фиксирует промежуток, который надо преодолеть, и осмысливает его в форме «цели», «стремления», «терпения», «надежды».

Это изменение, несущественное на первый взгляд, оказывается основой радикального изменения контуров мира, в котором человек живет, его отношения к собственному бытию и небытию, собственной судьбе. «Черта оседлости» бытия отодвигается. Сиюминутность как основная характеристика мира непосредственной жизненности заменяется долгим процессом стремления к цели, процессом целевыполнения; мир обретает пространственные и временные характеристики. Это мир «работы», труда, деятельности. Этот мир в своей основе противоречив: с одной стороны, мир для деятельного человека – это препятствие, которое надо преодолеть, чтобы достичь желанной цели. С другой – достижение цели требует знания средств достижения, требует погружения в мир объективности, мир сам по себе. В результате человек может «забыть» о первоначальном смысле своей деятельности, «забыть» о желанной цели.

Что представляет собой путник, идущий по дороге жизни, какими характеристиками он обладает в мире целеполагания и целевыполнения, в «мире работы»? Первично основная его черта – ясное осознание цели. Но тем самым осознание себя, своих потребностей. Весь естественный мир непосредственной жизненности как бы воссоздается, конструируется заново, рационализируется. Умственный взор человека обращается на себя самого. В результате исходные, витальные потребности теряют свою непосредственность, угасают, пропущенные сквозь горнило разума. Возникает второе противоречие – в отношении индивида к самому себе.

Так на первый взгляд простое отношение, лежащее в основе мира цели, открывает целый спектр возможных способов бытия в этом мире: от фанатичного стремления к достижению цели, подчиняющей себе человека целиком, не позволяющей задуматься, остановиться, оглянуться, до разросшегося до размеров своей вселенной сомнения, погружения в бесконечные поиски оснований собственной жизни, парализующего всякую целенаправленную деятельность.

Исповеди, биографии, «портреты» становятся формой такого самопознания. Логика их написания приводит авторов к мысли, которую с предельной простотой выразил Ж.Ж.Руссо: «Я знаю свое сердце и знаю людей»[1] – начинает он свое беспримерное дело познания человека «во всей правде его природы». Итог, к которому приходит мыслитель, далек от первоначальной оптимистической уверенно-

[1] Руссо Ж.Ж. Избр. соч. – В 3 т. – М., 1961. – Т. 2. – С. 9 – 10.

сти. «Истинные и первоначальные побуждения, лежащие в основании большинства моих поступков, мне самому не так ясны, как я это долгое время воображал»[1].

Есть и другой способ взаимоотношений человека с судьбой — постановка своего рода гиперцелей, достижение которых выходит далеко за рамки жизни индивида. Это и борьба за социальную справедливость, и движение познания к абсолютной истине, и стремление к свободе. Такой «квазицеленаправленной» деятельности не страшен неуспех (ибо цель вынесена за пределы его жизни). Жизнь проходит под знаком надежды. Судьба человека как предтечи призрачного будущего, царства абсолютной справедливости, свободы, красоты, как орудия недостижимой цели уже не есть пересечение двух рядов необходимостей, а вынесенная вовне, развернувшаяся во времени его собственная природа. Жизнь человека как существа, стремящегося к счастью, свободе, справедливости, любви, заключается в постоянном преодолении, «поглощении», уничтожении им же самим признанного объективного мира, «сущего». «Человек борется, чтобы обрести свободу, — писал А.Савинио, представитель европейского авангарда. — Борется со всем, что препятствует обретению свободы». Но это означает, что человек борется со всем, что возвышается над ним, вдохновляет его и указывает ему цель. Цель борьбы будет достигнута, когда угаснет даже слабый отголосок Божественности, когда исчезнет воспоминание о причинно-следственной связи, когда будут забыты вопросы, которые человек задает себе перед фактом рождения и смерти, пока не развеется предположение, что вещи таят в себе смысл[2].

Предполагаемый день исполнения всех желаний неизбежно должен оказаться днем исчезновения человеческой индивидуальности, всего того, что человек приобрел в процессе движения в цели. Недаром образ смерти, ждущей человека в конце его жизненной дороги, ведущей к исполнению желаний, так характерен для европейской культуры.

Преодоление судьбы — в недостижимости цели, в движении по соединению мира человеческой субъективности и мира сущего. Человек постоянно находится между двумя необходимостями, ускользая от тисков судьбы. Чем масштабнее цель, тем разрушительнее для человека ее испол-

---

[1] Руссо Ж.Ж.Избр. соч.-Т.2.-С.620.

[2] См.: Савинио А. Вся жизнь. — М.: Известия, 1990. — С. 64 — 65.

нение. Остановка — гибель, крушение мира, в основании которого лежит деятельность по движению к цели. Небольшой рассказ С.Моэма «Мэйхью» — хорошая иллюстрация к тем жестким правилам, по которым строится существование в мире цели. Герой рассказа, молодой адвокат Мэйхью не из тех людей, кто покорно принимает обстоятельства, в которые ставит их судьба. Он берет жизнь в свои руки и лепит ее по собственному вкусу. Бросает дом, дело, друзей и уезжает на пустынный остров. Но жизнь вне активной, целеустремленной деятельности — не для него. Мэйхью, увлекшись историей Римской империи, целиком посвятил себя подготовке к написанию грандиозного исторического труда, подчинив всю свою последующую жизнь достижению этой цели. И вот, когда собран гигантский справочный материал, когда наконец он сел за стол, чтобы начать писать, наступает смерть. Цель, которую поставил себе ученый, уже близка. После ее достижения жизнь, ставшая лишь средством, ведущим к цели, будет ненужной. Смерть в преддверии достижения цели — признание высшей жизненной ценности данного момента. Это своего рода фаустовское «остановись, мгновенье». Картина этой жизни, заключает автор, «прекрасна и закончена. Он сделал то, что хотел, и умер, когда желанный берег был уже близок, так и не изведав горечи достигнутой цели»[1].

Забвение себя, признание самой своей жизни лишь средством может вести к разрушению того уникального единства, которое мы называем *Я*. Поэтому оправдание «мира цели» лежит в сфере оправдания самой цели, в доказательстве правильности избранного пути. Если речь идет о частной цели, не поглощающей всю жизнь человека, возникающей из обстоятельств его жизни, то это оправдание сводится к признанию неизбежности, объективной необходимости тех обстоятельств, которые послужили основанием ее возникновения. В этом случае цель— это продукт «познанной необходимости».

Однако аргумент «познанной необходимости» оборачивается против себя же, теряя однозначность и ситуативность, когда мы стремимся выявить необходимые основы своей целеполагающей деятельности. Человек из динамичного, деятельного существа превращается в запутавшегося в собственной рефлексии субъекта, занимающегося бесконечным самооправданием и самообоснованием. Если цель, вынесенная вовне, дает ясный критерий преодоления судьбы (надо действовать сообразно с задуманным, а там будь что будет), то цель, обращенная на внутренний мир

---

1 Моэм С. Избр. произв. — В 2 т. — Т. 2. — М.: Радуга, 1985. — С. 421.

человека, парализует всякую деятельность, ставит под сомнение его способность к продуцированию целей.

Единственная «необходимость», которую человек обнаруживает в себе, — это собственная автономия, ничем и никем не детерминированная воля. Все жертвы во имя исполнения цели только тогда есть формы господства над судьбой, если сама цель нечто отличное от мира причин и следствий, а человек — абсолютный источник целеполагания, автор собственных целей.

Пожалуй, единственный путь утверждения «подлинности» своих целей, доступный человеку, живущему под знаком цели, — это деятельность по их созданию. Однако эта деятельность должна быть «беспредпосылочной», ибо если она опять чем-то обусловлена, какими-то иными целями, то мы впадаем в дурную бесконечность и в конце концов должны отказаться от права на собственное авторство. Попытки вырваться из этого круга могут быть различными.

Одна из них — утверждение подлинности своих целей через раскрытие процедур по их созиданию. Но ведь воссоздав процесс возникновения Солнечной системы, я не становлюсь ее творцом! Такое мышление сродни мифологическому сознанию, в котором «воспоминание» о творении тождественно самому творению[1]. Так одна из форм обоснования противостояния судьбе оборачивается погружением в миф.

Одна из основных черт мифа— это его «жизненность», тождество представлений о мире с самим миром. Но ведь мир человеческой субъективности и представления о нем слиты, сплетены в одно нерасторжимое целое! Человек, осмысляя основы своего мира, тем самым и проживает их.

Как видим, и бытие человека в мире непосредственной жизненности, и в мире целеполагания пронизано мифологическими элементами. Мифологичность нашего бытия с наибольшей остротой проявляется при попытке человека осмыслить идею судьбы. И это не случайно. Ощущение счастливой или несчастливой судьбы, владения судьбой или подчинения ей — вся эта гамма чувств направлена на предмет, существование которого прямо зависит от нашей интерпретации. Судьба есть и ее нет. Судьба — это сгущение нашего бытия, это проекция наших представлений о самих себе, это даже не понятие, а символ человеческого бытия со всей его многосмысленностью, текучестью и противоречивостью.

Попытка обоснования себя, своих целей через создание себя чаще всего кончается неудачей, и происходит постфактум, когда большая часть жизни уже прожита. Человеку, вставшему на этот путь, остаются два способа са-

---

[1] См. об особенностях «генетического мифа» в кн.: Мирчи Элиаде. Космос и история. — М.: Прогресс, 1987.

мооправдания. Либо объявить все факты собственной жизни абсолютно суверенными: «Все, что может приключиться с человеком от рождения до смерти, предрешено им самим, — с известной долей иронии представляет такое мироощущение аргентинский писатель Х.Л.Борхес. Поэтому всякое поведение — сознательное, всякая случайная встреча — свидание, всякое унижение — раскаяние, всякий крах — тайное торжество, всякая смерть — самоубийство. Ничто так не утешает, как мысль, будто наши несчастья добровольны; эта индивидуальная телеология обнаруживает в мире подспудный порядок и чудесно сближает нас с богами...»[1]. Либо — тщательно отделять «мое» от «чужого», продукт моей субъективности от посторонних примесей (социальной среды, воспитания, природных факторов), погрузиться в бесконечный процесс интерпретации и переинтерпретации уже свершившегося.

На этом пути бесконечной самоинтерпретации человеку грозит полная потеря себя как автора, ибо, принимая новую интерпретацию, мы разрушаем «связь времен», мы живем заново, не беря на себя груз прошлых ошибок и потерь. Призрак смерти-небытия опять встает перед человеком, находящимся в поисках авторства. В процессе целевыполнения подлинная смерть, небытие для человека — это абсолютное достижение цели. В процессе целеполагания смерть — это утрата авторства, невозможность отделить «свое» от «чужого», невозможность раскрыть замысел собственной жизни. Развернутой метафорой поисков себя является повесть американского фантаста Р.Шекли «Обмен разумов». Герой повести, Марвин, затерявшись во множестве возможных миров, никак не может найти свой, подлинный. Уверившись наконец, что нашел свой родной городок в штате Нью-Йорк, Марвин, лежа под привычным зеленым небом, размышлял: разве дубы-гиганты не перекочевывали каждый год на юг, разве у тройных лун не поднимались каждый месяц новые кометы? Поняв, что «бессмысленно провести жизнь в попытках выяснить, есть ли у него жизнь, которую можно как-то провести», Марвин принял этот мир за чистую монету, женился и жил долго и счастливо[2]. Лик смерти в этом случае лишен привычных «природных» атрибутов, он выступает в форме неподлинной жизни.

Но смерть оказывается и единственным «абсолютно авторским» поступком, разрывающим бесконечную вереницу актов самооправдания. Отстаивание себя в мире цели

---

[1] Борхес, Хорхе Луис. Deutsches Reaguiem // Родник. — 1989. — № 4. — С. 24.

[2] Шекли Р. Рассказы, повести. — М.: Молодая гвардия, 1968. — С. 327 — 328.

неизбежно строится по принципу «окончательного итога». Оборачиваясь на себя, мы стремимся к себе как к цели, редуцируя себя, настоящего, до уровня средства. Итог такого гипертрофированного целевого поведения— стремление к праву собственности на самого себя, к абсолютной власти над собой. Однако человеческая субъективность не природный объект, не вещь. По словам А.Камю, нельзя никого окончательно вознаградить даже Нобелевской премией, признав тем самым его абсолютное право на «обладание» гениальностью[1]. «Владение» своей суверенностью неизбежно предполагает выход за ее пределы. Единственным «суверенным актом» оказывается смерть, подтверждающая наше право на авторство.

Убегая от судьбы, страшась ее, стремясь заковать свою жизнь в неподвижные оковы абсолютного обладания, человек неизменно терпит неудачу. Мир цели рождает мифологему судьбы как абсолютного противостояния активного, творческого человеческого бытия косному миру небытия, где вязнет человеческая самость, героические усилия по достижению абсолютной автономии кончаются трагически.

ПОБЕДИВШИЙ ДРАКОНА

Всем известен образ русских сказок — рыцарь, стоящий на распутье перед камнем, указывающим, где «женату быти», где «богату быти», а где «убиту быти», дорога мира непосредственной жизненности, мира удовлетворенных желаний, ведет к гибели. Путь к обладанию богатством, дорога под знаком цели также заводит в тупик. Почему же так манит дорога, отправившись по которой «убиту быти»? Перед путником, идущим по этой дороге, открывается иной мир — мир служения добру, справедливости, мир высших ценностей.

У Р.М.Рильке есть маленькая новелла «Победивший дракона». В ней, по существу, намечены основные координаты мира духа, в котором понятия жизни и смерти, бытия и небытия наполняются иным содержанием. У одного короля была дочь — «сама юность, красота и порыв». Но путь героев к красоте, к любви, к трону лежал через борьбу с роком, воплощенным в ужасном чудовище. Наконец один смельчак достиг желанной цели, победив дракона. Но границы его мира вдруг раздвинулись, мир утратил линейность, жизнь перестала казаться дорогой, в конце которой ждет награда. И напрасно королевская дочь жда-

---

[1] См.: Камю А. Размышления о гильотине //Иностранная литература. — 1989. — № 1. — С. 234.

ла героя в замке. «...Тот был уже далеко-далеко, и над ним было небо, полное жаворонков. Если бы кто-нибудь напомнил ему о награде за подвиг, он, может быть, рассмеялся бы и повернул назад: он просто об этом забыл»[1].

Мир духа, мир абсолютных ценностей, добра, красоты, истины освобождает человека от унизительной зависимости: ни социальная среда, ни телесные немощи, ни капризы природы больше не довлеют над человеком. Судьба есть там, где есть нечто внешнее, противоположное человеку. Но вот человек выносит «за скобки» то отягощенное материей пространство, которое символизирует судьба, он свободен от желаний, не стремится к целям, подчиняющим его себе. Если в мире непосредственной жизненности человек был его неподвижным центром, в мире цели— точкой, устремленной вовне, «вектором», то мир всеобщего полностью меняет положение человека, он уже не есть средоточие мира, точка его внутренней опоры— вне его. Мир вне пространства и времени, мир вечности, абсолютное царство духа освобождают человека от тягот жизни. Но можно ли жить в таком мире, дышать разреженным воздухом всеобщего?

Назначение и оправдание жизни заключаются в служении высшим ценностям. Форма деятельности человека в мире всеобщего— подвиг, жертвование собой, принесение «кровавой жертвы самостью» (П.Флоренский). Мир желаний, устремлений человека не просто не замечается, он преодолевается. Попытка жить в этом мире оказывается постоянным преодолением, вынесением себя «за скобки». Принося себя в жертву, удерживая себя в этом мире жизнью-подвигом, человек приобщается вечности. Но «погибнуть за веру легче, чем жить ею одною; сражаться с хищниками в Эфесе не так тяжело... как стать Павлом, слугой Иисусу Христу; поступок короче человеческого века. Битва и победа — своего рода льготы»[2]. Приписывание себя к вечности, завоеванное ценой «жертвы самостью», постоянное удерживание себя на грани этого мира и есть абсолютный итог жизни.

Жизнь в таком мире — жизнь вне судьбы — оказывается утопией. Но впервые появляется новый оттенок взаимоотношений человека с судьбой. Не борьба с судьбой характерна для человека этого мира, а борьба с идеей судьбы, с мифом судьбы, с жизненным миром, в котором судьба оказывается необходимым элементом. Непреодолимые трудности существования человека в мире духа

---

[1] Рильке Р.М. Записки Мальте Лауридса Бригге. — М.: Известия, 1989. — С. 188.

[2] Борхес Х.Л. Deutsches Reguiem // Родник. — 1989. — № 4. — С. 24.

приводят его к попытке совмещения различных жизненных миров, к многослойности существования.

Одна из таких попыток заключается в желании сохранить, удержать себя в трех мирах одновременно, не нарушая «черты оседлости» ни одного из них. Мир духа, мир ценностей, «царство не от мира сего» находит свое воплощение в формах моделей «потребного будущего», в форме идеалов-целей. Тем самым царство абсолютной истины, добра, красоты выносится за пределы жизни человека и человечества, но сохраняет с ней связь, превращаясь в фиктивную цель, квазицель. Мир духа претерпевает определенные метаморфозы: обретает зримые пространственно-временные характеристики, трансформируется в «земное царство», в утопическую картину будущего.

В свою очередь, в мире человека деятельного, в мире цели также происходят определенные трансформации. Все общество и каждый человек в отдельности мобилизуются на выполнение этих квазицелей, мир цели становится исключительно миром средств. В таком мире искусство не служит прекрасному, а воспитывает человека — строителя нового общества, религия предохраняет от психических срывов, стрессовых ситуаций, наука подчинена производству, а нравственность санкционирует только то поведение которое способствует приближению намеченной цели.

Главной фигурой этого социального мира, мира-средства становится идеолог, главный арбитр в оценке продуктивности различных форм человеческой деятельности, взятых в их отношении к декларируемой цели. Противоречивость мира цели в такой «идеологической редакции» исчезает: право на размышление над правильностью избранной цели, обращение человека-деятеля на самого себя тормозит псевдодвижение к псевдоцели и потому упраздняется.

Исчезает и самоценность, самоцельность различных форм человеческой деятельности. Так, например, целью искусства уже не является само искусство, ибо идеал красоты ждет нас далеко впереди. «Искусство для искусства» — формула адекватного бытия искусства — безоговорочно осуждается. Добро ради самого добра оказывается абстрактным гуманизмом. Целеустремленность идеологии «вымывает» подлинное содержание бытия, полноценная деятельность целеполагания и целевыполнения начинает саморазрушаться.

Человек мира непосредственной жизненности, мира частных ситуаций, погруженный в стихию повседневности, прекрасно уживается с этим миром общих лозунгов и общих квазицелей. Идеологические ориентиры, вынесенные за пределы конкретной ситуации, становятся внешним фоном его жизни, любая идеологическая задача воспринима-

ется как внешний эталон, предлагаемый способ знакового поведения, который может стать условием решения своих частных задач. Индивид как бы борется, осуждает, как бы выражает одобрение, как бы соревнуется. Такое отношение к миру псевдоцелей не вызывает желания сопоставлять содержание различных целей-эталонов, игнорирует их явную противоречивость (например, отмирание государства через его укрепление). Идеологизированный мир целеполагания оказывается инструментом решения повседневных задач, а отношения непосредственной жизненности — материалом для беспроблемного существования мира псевдоцелей.

Как видим, все три мира вроде бы «разведены», они не соприкасаются, оказываясь лишь внешним условием бытия друг друга. Но такая рядоположенность, по существу, разрушает их автономию, ибо миры, находящиеся рядом, не могут не соприкоснуться. Связь их насильственна, она происходит за спиной индивида, отстаивающего свой способ бытия в мире индивида как носителя жизненного мира. Поэтому «антибытийное» начало, присутствующее в каждом из типов жизнеустройства, начинает проявлять свою разрушительную силу.

Мир непосредственной жизненности черпает силы из мира культуры, редуцированной до знаковой формы, начинает жить чужой жизнью — небытием. Мир деятельного, целеустремленного человека теряет права на авторство, ибо низводит и самого человека на уровень средства, и только средства. Мир всеобщего, мир абсолютных ценностей лишается своего основного преимущества в борьбе с небытием — чистой духовности, объективируясь в гипотетическом будущем. Человек выталкивается из мира, оставаясь один на один с небытием.

Но лики небытия, смерти в разных жизненных мирах, как мы уже видели, различны. Смерть в мире цели — это достижение цели, полное и окончательное исполнение желаний. Смерть в мире непосредственной жизненности, напротив, невозможность исполнения своих желаний. Смерть в мире духа — это невозможность преодолеть привязанность к себе, своему делу, своим желаниям.

Характеристики небытия различны в различных мирах, даже противоположны. Способность сопоставить разные измерения небытия лишает смерть ее абсолютности, мы получаем возможность примыслить себя к небытию, смотря на него с иной точки зрения, «из иного мира». Способность «прожить свое небытие» открывает новый взгляд на смерть как чистую «возможность бытия», как возможность перехода в иное, как условие самого бытия. Пройдя через смерть, умерев в одном мире, человек рождается для иной жизненной возможности, как герой Рильке, побе-

дивший дракона, но изведавший при этом ужас смерти. Путь, ведущий к небытию, к «убитым быти», — это путь к иному бытию, бесконечно богатому возможностями, не детерминированному чужой волей, судьбой.

Сопоставление жизненных миров возможно единственным способом — в акте поступка-выбора. За конкретной ситуацией, «материей» поступка всегда стоит выбор определенного жизненного мира. Поэтому поступок изменяет мое положение в бытие, он вынуждает меня отказаться от одной возможности в пользу другой, но небытие одного мира — бытие другого. Поступок — рождение и смерть, единство бытия и небытия. Его сопровождает внутренняя работа по осознанию его последствий для меня, осознанию моего нового места в бытие, изменение смысловой структуры моего мира. Утрата иных возможностей, иных трансформаций, которые угасают в поступке, — всегда жертва. Но жертву сопровождают чувства утраты, сожаления, желания удержать несовершившееся. Поэтому ощущение иных возможностей, второй план бытия всегда просвечивают в поступке.

Единственный способ отстаивания себя в процессе бесконечных утрат и обретений, в процессе осуществления выборов — сопоставление жизненных миров, их отражение друг в друге. Именно поэтому человек никогда полностью не совпадает со своим поступком, иная возможность выбора сохраняет свое право на «предбытие», что позволяет выйти за пределы своего мира, осознать его рамки: «поступки — единственная мера, какой можно меня измерить, единственный способ, каким я могу запечатлеть себя в памяти людей и даже в своей собственной памяти, потому что невозможность и дальше выражать себя в поступках и через них изменяться самому— это, пожалуй, и есть то основное, чем смерть отличается от жизни. Но между мной и моими поступками, которые создали меня, существует необъяснимый разрыв»[1].

Осознание своего жизненного пути как цепи поступков-выборов, точек схождения бытия и небытия, места встречи различных жизненных миров меняет и наши представления о судьбе. Понятие судьбы, миф судьбы как бы изживает свое традиционное содержание. Судьба осознается лишь как атрибут, элемент определенного жизнеустроения, она теряет абсолютные бытийные характеристики. Судьба превращается в «точку зрения» то завладевающую человеком, поглощающую всего его мысли, то исчерпавшую себя и уходящую на периферию сознания. Жизнь утрачивает свою кажущуюся прямолинейность в движении от рождения к смерти, предстает как осмысленное, но не «замысленное» це-

[1] Юрсенар М. Воспоминания Адриана. — М.: Радуга, 1988. — С. 38.

лое. «Факты» жизни — ее объективированные проявления — не рассматриваются как самостоятельные вехи жизненного пути в отличие от человеческих поступков-выборов — выборов «жизни-в-судьбе», «жизни-в-работе» или «жизни-в-свободе»..

В Саду Размышлений

МАРТИН БУБЕР[1]: ПРИЧИННОСТЬ — СУДЬБА — СВОБОДА

«В мире **Оно** неограниченно властвует причинность. Всякий доступный чувственному восприятию «физический» процесс, да и всякий «психический», обнаруженный или происходящий при самопознании, с необходимостью является причинно обусловленным и обусловливающим. Не составляют исключения и те процессы — составные части континуума мира **Оно**, — которым можно приписать характер целенаправленности: этот мир вполне допускает телеологию, но лишь как оборотную сторону причинности, как вплетенную в нее часть, не нарушающую его связной полноты».

«...Именно то надо называть правильным, к чему направляют себя, на что нацеливаются, на что решаются; и если существует дьявол, то не тот, кто против Бога,а тот, кто не принимает решения в вечности. Человек, для которого свобода обретает достоверность, не угнетен причинностью».

«Судьба и свобода обручены друг с другом. Только тот встречается с судьбой, кто достиг свободы. В том, что я нашел деяние, которое искало меня, в этом порыве моей свободы раскрывается мне тайна; но и то, что я не могу свершить деяние так, как задумал его, в самом этом противодействии тоже раскрывается мне тайна. Кто забывает всякую причинную обусловленность и из глубины своей принимает решение, кто отвергает имущество и наряды и, обнаженный, предстает перед лицом, тому, свободному, как отражение его свободы, смотрит навстречу судьба. Это не предел его, а его осуществление; свобода и судьба многозначительно обнимают друг друга, и из этой зна-

---

1 М.Бубер — еврейский религиозный философ и писатель, почти неизвестен в нашей стране. Фрагменты подобраны из его работы «Я и Ты» (Квинтэссенция. — М.: Политиздат, 1992. — С. 326 — 331). См. также: Философия и жизнь. — 1992.— № 3.

чительности глядит судьба — глаза, только что еще строгие, полны света, — глядит как сама милость».

«Если культура не имеет более своим центром живой, непрестанно обновляющийся процесс-отношение, она, застывая, превращается в мир **Оно**, в который лишь иногда вулканически прорываются пламенные деяния одиноких носителей духа. С этих пор обычная причинность, которая никогда раньше не могла быть препятствием духовной концепции космоса, вырастает в угнетающий, давящий рок. Мудрая судьба-мастер, которая в гармоническом согласии с полнотой смысла космоса господствовала над всякой причинностью, теперь превращается в абсурдный демонизм и сама погружается в причинность. Та самая *карма*, которую предки воспринимали как благое предопределение (ибо то, что нам удается в этой жизни, в будущей поднимает нас в более высокие сферы), теперь заставляет осознавать себя как тиранию, ибо деяния прежней, неизвестной нам жизни, заточили нас в темницу, из которой в этой жизни мы не в силах ускользнуть».

«Болезнь нашего века не похожа ни на одну из других; и она относится туда же, куда все они. История культур — не стадион вечности, где бегунам предназначено, одному за другим, бодро и не предчувствуя дурного, отмерять один и тот же круг смерти. Через взлеты и падения ведет безымянный путь. Не путь успехов и развития; спуск по спиралям духовной преисподней, который может быть также назван и подъемом — к самому потаенному, самому утонченному, самому запутанному, где уже нет никакого Вперед и — впервые — никакого Назад, а только неслыханное обращение: прорыв. Предстоит ли нам пройти путь до конца, до испытания последней тьмы? Но там, где опасность, там вызревает и спасение».

«Имя судьбы человек употребляет неверно: судьба — не колокол, опрокинутый над миром людей; лишь тот встречает ее, кто исходит из свободы. А догма последовательного течения событий не оставляет места свободе, не оставляет места самому проявлению ее, чья спокойная сила меняет лик земли: решительному повороту. Догма не знает человека, который, совершив решительный поворот, преодолевает всеобщую борьбу, рассеивает призрак утилитарных инстинктов и избавляется от заклятия класса; который расшатывает надежные исторические структуры, обновляет и преображает их. Догма последовательности оставляет тебе в своей шахматной партии лишь такой выбор: соблюдать правила или нарушать их; но совершивший поворот опрокидывает фигуры. Догма всегда позволит тебе реализовать обусловленность в твоей жизни, а в душе оставаться

«свободным»; но совершивший поворот считает такую свободу позорнейшим рабством».

«Единственное, что может стать для человека злым роком, — это вера в злой рок: она подавляет попытки поворота и обновления. Вера в злой рок есть с самого начала ересь. Всякая концепция последовательности течения событий есть лишь упорядочение того, что уже не более чем прошлое, упорядочение изолированных мировых событий, объективности, как истории...»

«Воля свободного человека неподвластна произволу своеволия... Он верит в предопределение и в то, что оно нуждается в нем: не водит его на помочах, а ожидает его, он должен прийти к нему, хотя и не знает, где оно находится; он должен выйти навстречу всем своим существом — это он знает. Сбудется не так, как он решил; но то, что сбудется, сбудется лишь тогда, когда он решится на то, чего он может хотеть».

Материал представлен аспиранткой МГУ Н.Рябчун

БАНК ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ

Бондаренко Ю.Я. (г.Кустанай)

ЛИКИ СУДЬБЫ

Что стоит за словом **«судьба»**? Фантазии, да и только, или нечто куда более ощутимое? Какими ликами оборачивалась к людям судьба на протяжении тысячелетий? Какой она виделась нашим предкам и какой может предстать перед нами и нашими детьми?

Стоит только задуматься над этим, и мы увидим, сколь многое может скрываться за одним только словом.

Начинать со спора о том, есть ли судьба или нет — бессмысленно. Прежде стоит выяснить, а что же кто-то из нас понимает под судьбой? В самом обычном смысле судьба и есть жизненный путь человека. Зачастую причудливый и полуфантастичный, как, скажем, у А.Соколова — героя знаменитого шолоховского рассказа «Судьба человека». Но вот чем определяется этот путь? Что он являет? Следование по рельсам, проложенным свыше, неосознанное выполнение чьей-то программы, игру событий в калейдоскопе истории либо результат собственно сознательного выбора?

Давайте бросим хотя бы беглый взгляд на историю мировой культуры, и мы увидим, что вся гамма связанных с

понятием «судьба» чувств и размышлений нам хорошо знакома. Вот судьба, понимаемая как **удел**: «Не судьба крестьянскому сыну калачи есть...» Что стоит за пословицей? Неверие народа в свои силы? Религиозный дурман, ослабляющий социальную активность? Да нет же. Совершенно реальный факт деления общества на различные социальные группы: уж если ты рожден крестьянином, то разумнее всего и строить свои жизненные планы исходя именно из этого, а не мечтать сидя на печи о царевой дочке...

А вот другой лик судьбы: судьба как **роль**, о которой так много и страстно писали стоики. Понимание судьбы-роли близко судьбе-уделу (или доле), но, пожалуй, в чем-то еще конкретнее: согласно этому пониманию судьбы каждый призван играть роль в пьесе, написанной не им самим, на сцене, созданной задолго до его появления на свет. Здесь уже внимание акцентируется не только на социальной нише, изначальное попадание в которую не зависит от индивида (т.е. рождения там-то и в такой-то семье), но и на изгибах жизненных путей, которые зачастую тоже определяются не им самим. Так, роли выбираем не мы сами. Наше дело — хорошо их исполнить. Хорошее же исполнение роли означает способность сохранить в себе до конца ту Божественную искру, которая позволяет каждому из нас именоваться человеком, а не животным, жить с достоинством и в соответствии с законами природы...

Сделаем еще один маленький шаг — и мы увидим новый лик судьбы, где предопределенность предстает еще более выпукло. Это судьба-**предназначение**, хорошо знакомая нам по эпосу и мифам многих народов мира, когда герою, зачастую в момент рождения, предрекались конкретные подвиги либо, увы (как Эдипу), злодеяния, которые ему суждено было совершить.

Так мы подходим к собственно фаталистическому пониманию судьбы, и вот перед нами еще одна, близкая предыдущей, грань — судьба-**рок**, предопределяющий даже промах при стрельбе из лука или итог смертельной игры в «русскую рулетку».

А рядом с этим неумолимым профилем Рока отчасти альтернативные, отчасти дополняющие его контуры кокетливой и непостоянной **Фортуны**. Это уже олицетворенный **Шанс**, судьба-**случай**, способный неожиданно вознести вас на головокружительную высоту и столь же легко низринуть в бездну. Фортуна — любимое действующее лицо «Смутного времени». Как заметил английский историк А.Тойнби, именно поэтому далеко не случайно во времена стремительных походов Александра Македонского, когда рушились целые державы, эта непостоянная богиня обрела

особенно много новых поклонников. Однако и у Рока, и у Фортуны есть одна слабость — они по сути своей безразличны к человеку, к его нравственно-духовному миру. Действуй, а там — «грудь в крестах или голова в кустах». Это уже не зависит ни от твоего искусства, ни тем более от твоих добродетелей. Но как же тогда обосновать добро?

И вот перед нами еще один лик судьбы. Судьба — **воздаяние, расплата**. Идея этой судьбы-воздаяния хорошо известна по фольклору. Она живет в сказках самых разных народов мира, таких, как ненецкая сказка «Хозяин Ветров», где три сестры отправляются к владыке Ветра, чтобы упросить его прекратить пургу. Две старшие, не умеющие чтить заповеди отца, уважать старость и как следует трудиться, гибнут одна за другой в сугробе, а добродетельная младшая, напротив, выходит замуж за грозного Хозяина Ветров и спасает свой народ от гибельной метели.

В индийской же философской мысли судьба-воздаяние принимает облик **Кармы**, когда человеку воздается за поступки не в этой, а в предыдущей жизни. В нынешней же ты подобен вкладчику капиталов, ценность которых откроется лишь при твоем последующем рождении. В этой идее Кармы мы видим очень любопытную попытку слить, соединить с этикой идею судьбы-удела, судьбы-роли...

И наконец, возвышающийся над иными ликами судьбы величественный лик **Провидения Божьего**. Если присмотреться к нему внимательнее, то мы увидим, что даже в исламе это провидение фактически отнюдь не сводится только к плоскому фатализму, как может показаться при поверхностном взгляде. «Все в руках Божьих». Но сами эти руки не холодно-бесстрастны, как стальные пальцы Рока, действующего с методичностью автомата. Нет. Бог видит все и на земле, в иной ли жизни отмерит каждому свою меру, воздавая по делам его...

Можно принимать эту идею и с благоговением поднимать глаза к обители Провидения — небу. Можно иронизировать над нею, как мы это видим у Омара Хайяма, либо стремиться логически доказать ее несостоятельность, но для нас здесь важнее иное. Все эти лики судьбы отнюдь не плоды праздной фантазии, а своеобразное преломление в сознании людей той реальности, которая и сегодня не менее сурова, а подчас и более загадочна, чем тысячи лет назад.

Отражают же они тот факт, что жизненный путь любого из нас соткан из многих нитей, большинство из которых не мы сами вплетали в его ткань. Ох как многое в наших удачах, успехах и падениях зависит не от нас самих! Особенно в круговороте событий последних лет, когда, как и в

дни Македонского, обрушиваются глыбы, казавшиеся несокрушимыми еще считанные годы назад.

В этих условиях всплеск живого интереса к предсказаниям разного рода вполне объясним: человек не может без стабильности. И в чем-то мы подобны песочным часам: чем стремительнее струйка песка уносит реальную устойчивость из нашей повседневной жизни, чем более она, эта жизнь, становится непредсказуемой, тем упорнее наше сознание ищет устойчивость в прогнозах. Но Ванг и Глоб на всех не хватает.

Остается рассчитывать на себя, на свое здравомыслие, развивать в себе духовную зоркость и умение различать в пестром полотне Истории те нити, которые в наших собственных руках. Мы слишком долго воспевали борцов «не от мира сего». Борцов, готовых не раздумывая разбить голову о стену Истории. Сейчас иные времена. Мы наконец-то приходим к тому, что тысячелетия назад было известно миру: разумней не биться головой о стену Судьбы либо ломиться в запертую дверь, а искать ключи к ней. Разумнее пытаться не «переделывать мир» с ходу, а понять его, понять себя, с тем чтобы искать в этой жизни то, что нам действительно по душе и по силам. И вот тут-то всем нам немалую услугу могут оказать историки, философы, социологи и психологи. Рецептов на все случаи жизни не будет. Но взвешенные и профессиональные размышления о том, как брать в свои руки рычаги Судьбы, доступны мне, вам, а не абстрактному человеку с большой буквы, будут небесполезны для любого из нас.

Научно-популярное издание

ГОЛУБАЯ ПТИЦА СЧАСТЬЯ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И СУДЬБА

Редактор *Л.К.Кравцова*. *Мл.редактор И.В.Яковлева*. *Худож.редактор М.А.Гусева*. *Техн.редактор Н.В.Клецкая*. *Корректор Л.В.Иванова*

ИБ № 12118

Подписано к печати 23.06.92.Формат 84x108 1/32.Бумага тип.№2.Гарнитура Журн.-рубленая.Печать высокая.Усл.печ.л. 3,36.Усл.кр.-отт. 3,36.Уч.-изд.л. 3,90.Тираж 64765экз.Заказ 609.С-450.Издательство «Знание».101835,ГСП,Москва,Центр,проезд Серова,д.4.Индекс заказа 921004.

Типография общества «Знание».Москва,Центр,Новая пл.,д. 3/4.

Отпечатано с оригинал-макета.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

К сожалению, эта брошюра последняя в 1992 г. (а, возможно, и заключительный номер серии за 33 года ее существования). Мы вынуждены с вами проститься. Экономические условия не позволяют продолжить издание:

бумага, полиграфическое исполнение и почтовые расходы настолько возросли в цене, что мы уже не рискнули объявить подписку на эту серию (тем более, что только объявление подписки обойдется издательству в 30 тыс. руб.). Остается надеяться (надежда умирает последней), что со временем положение улучшится и «Философия и жизнь» вновь будет выходить в свет. (А может быть, кто-либо станет спонсором серии ?)

Сейчас же редакция специализируется на выпуске книг в розничную продажу. Например, в конце года Вы сможете купить в магазинах «Мистические вечера» С.Р.Минцлова, которые мы начали было печатать в брошюрах серии. На прилавках Вы увидите и небольшую книжку «Лукий, или Осел» (Из греческой любовной прозы II в.) и др.

Думается, что с 1993 г. нам удастся издавать и философские работы в виде отдельных книг. И если они будут пользоваться определенным читательским спросом, то мы возобновим там и свои рубрики («Банк философских идей», «В саду размышлений», «Страничка философско-поэтического творчества читателей», «Слово молодым» и др.). Хотелось бы получить от Вас советы, рекомендации на этот счет. Мы выражаем признательность и благодарность всем тем, кто присылал нам свои соображения по поводу улучшения серии «Философия и жизнь», кто участвовал в нашем издании.

И, наконец, просим извинить нас за технические сбои в предыдущем, третьем номере серии: во втором разделе выпали названия рубрик «В саду размышлений» (с. 54) и «Диалог: редактор — автор — читатель» (с. 57).

Индекс 70065